

Олег Васильевич Северюхин

Кольцо приключений.

Книги 1, 2, 3, 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279015
ISBN 9785447414849*

Аннотация

С помощью колец фараона Эхнатона и его жены Нефертити историк по имени Владимир побывал летчиком французской эскадрильи 1915 года, участвовал в обороне Севастополя вместе с поручиком Толстым, готовил Переяславскую Раду как писарь гетмана Хмельницкого, лечил цесаревича Алексея и беседовал с премьером Столыпиным, жил в скифском племени и был продан в рабство, летал на планету Таркан, встречался с кардиналом Мазарини и возглавлял племя людей каменного века...

Содержание

Кольцо фараона	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	70
Глава 15	75
Глава 16	78
Глава 17	82
Глава 18	87
Глава 19	93
Глава 20	99
Глава 21	105
Глава 22	109

Глава 23	114
Глава 24	120
Глава 25	125
Глава 26	129
Глава 27	135
Глава 28	140
Глава 29	145
Глава 30	152
Глава 31	158
Глава 32	164
Глава 33	170
Глава 34	177
Глава 35	182
Глава 36	187
Глава 37	191
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Кольцо приключений

Книги 1, 2, 3, 4

**Олег Васильевич
Северюхин**

Иллюстратор Олег Васильевич Северюхин

© Олег Васильевич Северюхин, 2023

© Олег Васильевич Северюхин, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4474-1484-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северюхин Олег

Кольцо фараона

Глава 1

Он умирал, а я не верил. Мой товарищ детских игр. Младший брат моего отца, заменивший его после смерти. Отчаянный выдумщик и фантазер. Нелепый человек в наше бездушное и бескультурное время. Дон Кихот и Дон Жуан, д'Артаньян и Айвенго, капитан Блад и Афанасий Никитин, все это так причудливо сочеталось в одном человеке, что все были очарованы его обаянием и считали полоумным романтиком, родившимся не в этом веке.

И сейчас он умирал, а я был его единственным родственником. Он жил в крохотной однокомнатной квартирке, совершенно один и самой дорогой вещью в его квартире была причудливая пепельница из чешского хрусталя, хотя мой дядя не курил. Телевизор он не смотрел и его микротелевизор со странным названием «MATERIN» включался в последний раз года два назад и то мной, когда мне пришлось ночевать в его комнатке.

Мой дядя совершенно не страдал от того, что у него не было материального достатка. Деньги как приходили к нему, так и уходили. Я даже не могу сказать точно, работал ли когда-то мой дядя, хотя в свое время он окончил исторический

факультет нашего пединститута. Кажется, какое-то время он работал учителем в школе, но потом бросил преподавание, ездил в экспедиции, общался с людьми, похожими на него, имел связи в антикварных кругах и через него нередко проходили очень дорогие раритеты, но деньги у него не держались. Ушла и невеста. Дядя мне показывал ее. Солидный человек, директор школы. Все-таки не прошла ее девичья любовь, потому что когда она увидела его, то зарделась вся и быстро ушла.

Я не так часто общался с дядей, но каждая встреча с ним была для меня событием. Хотя я был в основном откровенен со своими родителями, но по особо важным вопросам я шел советоваться к дяде. Он не навязывал своего мнения, но давал возможность самому принять то или иное решение, рассказывая то одну, то другую поучительную историю.

– Когда я был дервишем в Самарканде, – сказал как-то он, – я понял одну важную истину – никогда не надо торопить события. Если заставить персик созреть раньше срока, то персик будет красивым, но невкусным и так же рано он сгниет, потому что не будет востребован людьми. Иногда нужно подождать для того, чтобы понять, насколько важная проблема стоит перед тобой. Если через какое-то время она не потеряет своей важности, то этой проблемой действительно нужно заниматься. Но чаще бывает, что через какое-то время казавшийся важным вопрос превращался ни во что, он никого не волнует и никому не нужен. Точно так же нель-

зя бегом бежать к куску хлеба, чтобы схватить его раньше других – там может оказаться яд.

От дяди я учился тому, как вести себя в обществе и как быть джентльменом, не объявляя об этом во всеуслышание. Надо мной смеялись друзья, посмеивались девушки, но я старался быть тем, кем хотел видеть меня дядя и, кажется, преуспел в этом: меня тоже стали называть человеком из прошлого века. И я не жалею об этом, потому что если вспомнить мою не такую длинную жизнь, то мне почти не приходится краснеть за мои поступки.

Я сидел рядом с кроватью дяди и старался отвлечь его разговорами. Рассказывал ему, что у нас по программе истории России, кто преподает, что интересного в нашей студенческой жизни.

Под влиянием рассказов дяди и я поступил на исторический факультет в пединститут с одновременным углубленным изучением китайского языка. Что это, гены? Или судьба, но мне всегда казалось, что человек, знающий историю своего рода, народа, города, государства, других государств, знающий иностранные языки и понимающий чувства других народов, никогда не будет делать ошибок в своей жизни или в работе, связанной с управлением страной.

Конечно, это детское рассуждение. Все наши цари и генсеки с помощью высокоученых наставников изучали историю, иностранные языки, но совершали такие же ошибки, как будто понятия не имели об истории государства. Так для

чего нам нужна история?

Сейчас я не смогу точно ответить на этот вопрос. Узнать, что мы произошли от обезьян и гордиться тем, что у нас нет хвостов? Кривляемся мы совершенно сознательно и нас за это не садят в клетки для показа такой же кривляющейся публике за деньги. Гордиться тем, что мы режем хлеб стальными ножами, а для еды пользуемся вилок и ножиком, хотя птицу все равно едим руками? Конечно, суть истории не в этом, но любая наука должна нести какую-то пользу человеку. Не бывает науки ради науки, так же как не бывает искусства ради искусства. И то, и другое должно чем-то помочь человеку стать лучше или, используя научные достижения, совершить рывок в техническом прогрессе, или своим трудом понравиться кому-то и завоевать сердце красавицы...

— ... слушай внимательно, — перебил меня слабый голос дяди. — У меня нет других наследников, кроме тебя. Все это рухлядь, которую нужно выкинуть. Я мог быть богаче графа Монте-Кристо, но я знаю, в какой стране я живу и знаю, что богатство у нас сродни горю, а не счастью. Стоит у кого-то появиться копейке, как откуда ни возмись, его осаждают толпы страждущих. Они не ударили палец о палец для заработка, но считают, что ты должен поделиться со всеми.

Этого нет ни в одной стране мира, даже в диких племенах Африки и Азии. Богатый человек должен тратить свои деньги на свою личную защиту и на защиту своего богатства вместо того, чтобы богатство давало жить и другим людям.

Я оставляю тебе только старую записную книжку и вот это колечко. Колечко береги пуще своего ока. Книжку можешь и потерять, трагедии от этого не будет, хотя в ней зашифрованы места трех довольно больших кладов. Любой клад обеспечит безбедную жизнь до самой смерти тебе и любому количеству твоих потомков. Да вот только неизвестно, на пользу ли пойдут эти богатства. Думай сам. Может быть, я просто был не прав, закопав свои таланты в землю и не пустив их в дело на благо семьи.

Я не сожалею о своей жизни. Прожил ее так, как Бог дай каждому или не дай Бог каждому. Колечко сразу надень на палец, никогда не снимай его и никому о нем не рассказывай, особенно женщинам. Не может быть никого, кому можно доверить эту тайну, кроме своего единственного наследника.

Помнишь сказку «Аленький цветочек»? Чудище лесное дало купцу колечко, которое стоит повернуть камешком вниз, и сразу вернешься туда, откуда прибыл. Это колечко такое же. Мне его дал странный человек, которого я нашел в лесу неподалеку от места раскопок городища, ты знаешь, где это городище, и который умер у меня на руках. Где я только не побывал за это время. Я прожил такую длинную жизнь, которая не уместится ни в какую книгу.

Все, что я рассказывал, была правда, но мне никто не верил. Приготовься к тому, что и тебе не будет веры. Если будешь к этому относиться спокойно и сможешь легализовать

свои знания, то ты будешь знаменитым человеком. Не разбрасывайся, как я. И еще скажу, не верь никаким партиям, особенно тем, кто обещает построить общество счастья и социального равенства. Это самые опасные партии. Это те же кровожадные ацтеки и майя, которые бездумно приносили жертвы и лили безвинную кровь для построения общества Солнца...

Я слушал его, и мне казалось, что я уже где-то слышал это.

Вдруг я почувствовал, как слабеет державшая меня рука дяди, падая безвольно вниз. Я потряс его за плечи, послушал биение сердца, но ничего не услышал.

Приехавшая «Скорая помощь» зафиксировала факт естественной смерти и увезла старика с собой, оставив адрес, по которому я смогу забрать его для погребения.

Глава 2

Через неделю после похорон я переехал на квартиру дяди. Мама моя не возражала. Я уже человек взрослый и должен жить отдельно. В этом году оканчиваю институт и должен определиться со своим будущим.

Рухлядь всю я выкинул. Наших с мамой сбережений хватило, чтобы купить простенькую мебель в квартиру.

Колечко я надел на безымянный палец левой руки и носил постоянно. Оно мне пришлось впору и совершенно не мешало. Простенькое тоненькое серебряное колечко в виде змейки с зелененьким камешком на месте глаза.

Вечерами я сидел и рассматривал записи в записной книжке.

Один рисунок особенно привлек мое внимание. Похоже, что это была схема расположения чего-то.

Нарисован перекресток, в центре которого изображен прямоугольник. Прямые углы, образовавшиеся от пересечения двух дорог, поделены линиями, заканчивающимися крестиками и в образовавшихся углах написаны цифры: 4 и 7, 8 и 6 (в этом углу был нарисован серп с молотом), 6 и 5, 3 и 5.

И все. Я стал пробовать искать закономерность в цифрах. Что они обозначают? Величину углов или значения тригонометрических функций? Все очень сложно или все очень просто? А попробуем арифметику. $4+7=11$. На противополож-

ной стороне $6+5=11$. Так, что-то уже есть. $8+6=14$ и $3+5=8$. Ну и что? А вот что. $11+11=22$ и $14+8=22$. Это уже вроде ключа получается. 22 и 22 может говорить о том, что в центре рисунка не прямоугольник, а квадрат. Ведь квадрат – это тоже прямоугольник, у которого все стороны равны по 22. По 22 чего? Метра, сантиметра, миллиметра? Нет и здесь ничего нет. Все это ерунда. Нужно брать схему города и сравнивать со схемой. Только какого города схему нужно брать?

Я осмотрел комнату дяди полностью и ничего не нашел. Вроде бы все просто, но подсказок никаких нет.

Ночью мне тоже ничего не приснилось. Это только в сказках ночью снятся подсказки решения загадок.

Схему я заучил наизусть. А вдруг это нумерация домов? Если это так, то эти дома находятся в центре. Если не в центре, то в начале улицы. Но какая же улица? Хорошо, пусть я найду эту улицу, что я буду вскрывать дорогу в центре перекрестка? Кто мне это разрешит? Кто мне разрешит остановить движение на улице? Это вообще нонсенс.

Все, кто говорит, что они, где хотят, там и копают землю, это либо хвастуны, либо люди, которые ни разу не натыкались на электрические кабели или другие коммуникации. Нет, я не представляю, как воспользоваться чертежом, чтобы найти что-то.

Даже, если клад спрятан в доме, что мне дом разрушать? Нет, это мистификация. Я человек в целом рациональный и заниматься ерундой не буду. И книжку дяди я забросил

в дальний ящик, потому что ничего интересного я там не нашел. Были там еще пара схем, но и в них я ничего не понял.

Весна в этом году выдалась знатная. Мгновенно растаял снег и все газоны превратились в помойки. Люди высокой культуры зимой спокойно игнорировали мусорные урны и бросали мусор в соответствии со своим культурным уровнем. Весной этот культурный уровень и вытаял. Честно говоря, мне стыдно за наш город, за наших горожан. Я не думаю, что наши далекие предки точно так же бросали мусор. Хотя, все может быть. Люди древние, с канализацией знакомы не были, но уж отхожие места устраивали в положенных для этого местах, а не гадили там, где захочется.

Как начинается весна, так все сразу вспоминают о ленинских субботниках. Даже во времена послеленинские участие в субботниках было добровольно-принудительным.

О студентах на субботнике даже и не говорят, это как бы само собой разумеющееся: вот вам лопаты, метлы и метите отсюда и до обеда.

И мы пошли мести. По улице Пролетарской. От церкви и до центральной улицы. С Пролетарской улицы нет выезда на центральную магистраль. Знак – «кирпич». Я подметал улицу и автоматически думал о том, что серп и молот это пролетарский символ. На пересечении Пролетарской улицы с центральной магистралью стоят четыре старинных двухэтажных дома из красного кирпича. То ли ремонтировать их хотят, то ли сносить, но все четыре дома стояли одиноко,

сверкая глазами выбитых окон.

Один дом имел номер 8 по улице Пролетарской и номер 6 по центральной магистрали. На противоположной стороне стоял такой же дом с номером 7 по Пролетарской улице и номер 4 по центральной магистрали. У меня даже сердце заколотилось. Это то самое место. Я с трудом дождался конца субботника и «смыкнул» от традиционного обмывания результатов работы. Сказался, что нужно бежать к матери и понесся в церковь.

По случаю субботника в церкви стояли десятка полтора старушек и усердно молились. Я взял свечку и пошел к образу Святого Николая угодника. Поставил свечку в один из свободных подсвечников и сказал:

– Поддержи, Святой, меня в сомнениях моих. Знаю, что не может быть того, о чем я думаю, но то, что я видел, ввергает меня в сомнения. Если существуют чудеса, то дай мне знак какой-нибудь.

И вдруг, словно ветерок откуда-то подул, и заметалось, запрыгало пламя на моей свече, а все другие свечи горели ровно и ярко. И моя свеча гореть стала тоже ярко и пламя метаться перестало.

– Спасибо, – сказал я и вышел на улицу.

Подойдя к дому, отмеченному серпом и молотом, я стал внимательно осматривать стены. Все вроде бы нормально. Кирпичи как кирпичи. Но цифры восемь и шесть – это не только номер дома. Восьмой кирпич от фундамента по уг-

лу вверх и шесть кирпичей вправо от угла. Какой-то нестандартный кирпич и немного шатается, если его пошевелить. Ключами от дверей я выковырял часть цемента и, обламывая ногти, с трудом вытащил кирпич. Оглядываясь по сторонам, будто что-то украл, я завернул кирпич в куртку и понесся домой, благо жил недалеко. Надо же. Жил недалеко, а никак не мог додумать, что клад был рядом. А клад ли это? Может, это плод моего больного воображения и несу я простой кирпич, который кирпичом так и останется.

Глава 3

Моя «добыча» представляла собой клейменный двуглавым орлом кирпич-сырец. Потряс у уха – не звенит, не звякает. И зачем мне этот кирпич? Начал внимательно осматривать. Торец, выходявший на улицу, ровный, монолит, а противоположный торец неровный, будто кто-то рукой замазывал его.

Постучал молотком. Крепко. Стукнул очень сильно, и сразу замазка немного провалилась внутрь, трещиной обозначив ее пределы. При помощи отвертки мне удалось вытащить куски глины, которой было замазано отверстие, и я увидел кусок холстины, потемневшей от времени, но сухой.

В холстину было завернуто что-то тяжелое. Развернув ее, я увидел потемневшие от времени погоны штабс-капитана, ордена Святого Георгия 4 степени и Святого Владимира 4 степени с мечами и с бантом, десять золотых пятирублевиков 1822 года и документ, что штабс-капитан такой-то за героизм награжден золотым оружием. И фамилия, имя и отчество – моего покойного дяди. А ведь он рассказывал, как участвовал в Первой мировой войне, дослужился до штабс-капитана, стал георгиевским кавалером. Все родственники смеялись над ним и считали местным шутом. Сейчас мне стало стыдно за то, что мы все ему не верили. И я это все никому не покажу, чтобы и меня тоже не посчитали сумас-

сшедшим.

Один пятирублевик я продал нумизматам и выручил за него сумму, много большую, нежели мне дали бы, если бы я сдал ее в скупку золота. Скажу, что мне на многое хватило денег, в том числе и на абонирование отдельной ячейки в банке.

Кладоискательство – дело занятное, но дядя давал понять, что это лишь на крайний случай. У студента немного возможностей для заработка. Если только устроиться дворником по совместительству, собирать и сдавать бутылки, сесть на телефон и выдавать себя за посредника в продаже различного вида техники, но таких посредников «кидают» в девятиности девяти случаях из ста. Торговать наркотой? Себе дороже. Либо сам на иглу сядешь, либо специально подсадят, либо конкуренты замочат «передозом».

Стипендии не хватит никому, даже по миллиграммам рассчитывающему свою жизнь студенту. Деньги мне нужны на жизнь, но уж никак не на посещение ночных клубов и дискотек. Эти заведения не что иное как форма современной шизофрении. Я никогда не положу свой глаз на девчонку, которая тащится от таких дискотек. Мне нужна спутница жизни, мать моих детей, а не пустоголовая кукла со звоном музыки в ушах.

Мои взгляды ни для кого не были тайной и меня за глаза называли «Пуританин». Если я пуританин, то какие же были пуритане на самом деле? Да, не завидую я молодежи, которая

жила в пуританское время.

Честно говоря, вопросы развлечений у меня были на последнем месте. Да как могло быть иначе, если на носу защита диплома, а тема сформулирована мною, не без участия дяди: «Первая мировая война как Отечественная война русского народа».

— Ну-ну, — сказали в деканате, — посмотрим, что у вас получится. Что это за Отечественная война во время империалистической бойни?

В нашей стране какие бы перестройки не проходили, а дело Ленина-Сталина в исторической науке живет и процветает. Почему-то все войны, которые велись до революции, считаются несправедливыми и империалистическими. Исключение сделано для войны 1812 года и то только в части сражения при Бородино. Войны после революции — справедливые за счастье народов тех стран, где тайно проливали свою кровь и гибли наши солдаты и офицеры.

Собственно говоря, участие России в первой мировой войне имело те же цели, что и в 1854—1855 годах, когда Англия и Франция совершили интервенцию в Крыму. И сейчас Россия, как напившаяся допьяна баба с обидевшими ее кавалерами пошла под ручку в другой кабак. Никогда Англия и Франция не были и не будут союзниками России.

Война могла быть, но скорее всего, она бы завершилась достижением перемирия между Российской и Австро-Венгерской империями и защитой интересов славян на Балка-

нах, но болгарские «братушки» выступили против России. И еще выступят. И другие «братушки». Только уже в составе Североатлантического блока во главе с США.

Россия как была сама по себе Россией, так и останется. Если уж куда-то и ввязываться, то только с пользой для России и для приобретения боевого опыта. Пусть обходятся без нас, а мы должны блюсти интересы своего государства.

Все-таки, дядя мой чего-то напутал и меня с панталыка сбил. Вероятно, придется изменять тему дипломной работы. Да, а колечко интересненькое. Вроде бы и проба на колечке есть. Я взял из ящика маленькую лупу и поднес ее к глазам, стараясь рассмотреть кольцо на сгибе безымянного пальца. Так смотреть неудобно, перевернем колечко клеймом вверх. Только я перевернул кольцо, как в глазах у меня потемнело и я почти ничего не видел вокруг. Я лежал на грубой деревянной кровати, на столике рядом горела свеча в фигурном подсвечнике.

В дверь постучали.

– Мсье, а вэ ву фэ?

Что такое? Похоже на французский язык, но почему я нахожусь не в своей комнате? Я встал, подошел к двери, отодвинул защелку и открыл дверь.

В длинном коридоре было еще шесть-семь дверей. У моей двери стояла миловидная девушка в светло-синем платье, передничке и кокетливой кружевной белой наколочке на голу:

– Мсье, а вэ ву фэ?

И посмотрев еще раз на меня, убежала.

Странно. Испугал я ее, что ли?

Я сел на кровать и стал осмысливать ситуацию. Где я? Почему я очутился в этой комнате с грубой мебелью. Какой-то неприятный запах, то ли от свечки, то ли из кухни. А, может, я просто сплю, и мне все это снится?

Внезапно дверь резко открылась и в комнату вошли двое полицейских с револьверами. Судя по форме – черные каскетки с козырьками, развевающиеся накидки выше колена и не наши револьверы – французские «ажаны».

Меня стали спрашивать, но я ничего не понимал. В разговоре я вдруг услышал слово «бош». Да так же французы называли немцев. Когда я сказал по-немецки: «Ich bin nicht bosch», меня свалили на кровать, завернули назад руки и еще поддали по бокам, но я продолжал кричать: «Ich bin nicht bosch, ich bin russisch.» Наконец, меня оставили в покое и старший из полицейских, указывая на меня револьвером, спросил: «Russisch?» И я как полиглот закивал головой и сказал: «Йес, йес». Полицейский снова спросил: «Inglisch?», на что я ответил: «Но, но, русшиш». Полицейские, так и не добившись ясности, отвели меня в полицейский участок. Там со мной пробовали говорить по-немецки, по-английски, но все безрезультатно. Что-то я совершенно не обращал внимания на изучение иностранных языков, считая, что историку достаточно знания русского языка. Боже,

как я был неправ.

К вечеру меня посадили в темную комнатку и дали фаянсовую кружку кофе и кусок черного хлеба.

Глава 4

Утром меня снова напоили достаточно жидким кофе и дали кусок хлеба, намазанный, похоже, сливочным маслом. Правда, привкус у этого масла был какой-то сальный.

Часов в десять меня привели в кабинет, где сидел мужчина во французской офицерской форме и человек в российской военной форме в чине капитана: серебряный погон с одним просветом и вензелем как будто Николая Второго. Если так, то это флигель-адъютант.

– Вы меня понимаете? – спросил капитан.

– Да, понимаю, – ответил я.

– Кто вы такой, как попали сюда и что за странная одежда на вас? – спросил капитан.

– Ничего странного на мне нет, – пожал я плечами. – Я студент, исторический факультет пединститута в Энске...

– Что, в Энске есть пединститут? – удивился офицер.

– Есть, – подтвердил я.

– Извините, милостивый сударь, – сказал мой собеседник, – давно за границей, не знал, что открыли такой. И что вы здесь делаете?

– Да я, знаете ли, путешествую..., – начал говорить я.

– Как вы путешествуете? – удивился капитан. – Вы знаете, что идет война?

– Не знаю, – признался я.

– Как не знаете? Вы знаете, какое сегодня число? – продолжал спрашивать офицер.

– Не знаю, – честно сказал я.

– Сегодня 17 июля 1915 года, – сказал капитан, подняв вверх палец для придания значительности сказанного им.

– Так, июль 1915 года, – начал я проговаривать как бы для себя. – Значит, в войне уже участвуют Япония, Италия, Турция, через месяц на стороне Германии выступит Болгария...

– Да как вы смеете клеветать на наших традиционных союзников? – офицер резко встал со своего стула. – Все, идемте со мной.

Мы вышли на улицу. Вероятно, капитан решил все вопросы с французскими властями, и я сейчас нахожусь в его распоряжении.

– Откуда вы такой взялись? – отчитывал меня капитан. – Ничего не знали и вдруг начали перечислять, кто уже участвует в войне. Вы не нелегальный сотрудник Генштаба? Нет. Какие языки вы знаете? Никакие. Да кто же вас учил? Почему вы такой странный? Знаете все и не знаете ничего. Как мне вас представлять послу? А, может, вы просто шпион?

– Ну, что вы, господин капитан, – сказал я со всей чистосердечностью, – просто я из своего времени почему-то попал в ваше. И то, что вы говорите, все правильно. Если вы мне поможете освоиться с этим временем, то я просто пропаду один в незнакомом месте и среди незнакомых людей.

– Странные вещи вы говорите, – капитан посмотрел на ме-

ня с сомнением и удивлением. – Такого не может быть по определению. Нельзя перескакивать из одного времени в другое время. Чем вы можете это доказать?

Я порылся в карманах. Шаром покати. Нет. Нашел копейку. Капитан посмотрел на нее и сказал:

– Ну и что? Копейка как копейка. Правда, я таких не видел. Святой Георгий. Оформление неплохое.

– Хорошо, посмотрите на мои часы. Что вы скажете? – спросил я, снимая часы с руки.

Капитан взял в руки мои старенькие электронные часы с надписью Nokia. Подарок фирмы при покупке мобильного телефона.

– Интересно, – офицер с любопытством рассматривал часы. – Какие маленькие и удобные часы. Вероятно, швейцарские, умеют часы делать, шельмы. Сравните с моим золотым «Брегетом» на цепочке?

– Господин капитан, это электронные часы, – сказал я. – Они работают на маленькой батарейке и их механизм в десятки раз меньше самого корпуса. Есть у вас перочинный ножик?

Капитан достал из «пистончика» брюк небольшой перочинный ножик, открыл одно лезвие и протянул мне. Я открыл заднюю крышку часов и показал механизм и кадмиево-никелевую батарейку. Ширпотреб. Капитан был просто удивлен.

– Знаете что, вы поживете пока у меня, – сказал он. – Я

с вами займусь французским языком, а потом мы решим, что с вами делать. Плата за мои услуги – вы будете рассказывать мне о том, как вы жили в ваше время. Я знаю, что мне никто не поверит, но интересно послушать. Договорились, сударь?

– Договорились, – сказал я, просто не веря в то, что мне попался человек с развитым воображением и отсутствием характерных в то время предрассудков.

– Идемте-с, – сказал офицер и открыл передо мною парадную дверь достаточно богатого дома.

Капитан снимал трехкомнатную квартиру на третьем этаже четырехэтажного дома с балконами. Балкона в квартире не было, зато одна дверь открывалась прямо на улицу, и выход был загорожен ажурной металлической решеткой. Создавалось ощущение, что это тоже балкон и человек мог помахать рукой прохожим, приветствуя их в погожий июльский день.

– Располагайтесь, – сказал хозяин. – Вот здесь умывальник. Воду расходуйте экономно, потому что водопровод не работает, но скоро его починят. Есть канализация, а, значит, туалет в квартире. Вы туалетом пользоваться умеете?

Посмотрев на мое укоризненное лицо, капитан извинился и продолжил знакомить меня с квартирой.

– Спать будете на диване, – он указал на диванчик с фигурной спинкой. – На керосинке можете приготовить себе чай. Сахар здесь. Можете попить чай с вареньем. Из России прислали. Земляничное. Устраивайтесь, а я пойду в при-

сутствие. Вернусь часа через два, и мы пойдем вас одевать. А сейчас, если не сильно устали, возьмите русско-французский словарь и попробуйте выучить французский алфавит.

Капитан ушел. У меня было столько впечатлений, что я не чувствовал ни усталости, ни голода. Открыл словарь. Интересно обозначен французский алфавит.

А – анатоль, В – бэрт, С – сэлестэ, D – дэзирэ, Е – эмиль, F – франсуа, G – гастон, Н – анри, I – ирма, J – жозэф, К – клебэр, L – луи, М – марсель, N – николя, О – оскар, Р – пьер, Q – кэталъ, R – рауль, S – сюзан, Т – тэрэз, U – урсуль, V – виктор, W – вильям, X – ксавье, Y – ивон, Z – зоэ.

Интересно. Немецкий алфавит я знаю. Порядок букв помню, а названия сейчас выучу.

Капитан пришел через два часа.

– Господин капитан, я готов сдать экзамен по знанию алфавита, – доложил я.

– Начинайте, сударь, и зовите меня просто Николай Иванович, – сказал хозяин квартиры. – Так будет проще. Ну что же, алфавит вы знаете, думается, что и язык пойдет легко, а сейчас пойдемте в магазин.

– С удовольствием, – согласился я. – А меня можете называть Владимиром.

Глава 5

Одели меня по-полувоенному: клетчатая кепка с клапанамми, шерстяной серый пиджак, джемпер с рубашкой, брюки «а ля женераль галифе» и коричневые ботинки с крагами. Я мог быть кавалеристом, механиком автомобиля или гонщиком мотоцикла. Любая специальность военная. Я поблагодарил Николая Ивановича и отдал ему пятирублевик 1822 года.

Николай Иванович задумчиво повертел его в руках и сказал:

– Знаете, а я поверю, что вы из другого времени, потому что монета эта достаточно редкая и в наше время. Она хорошо сохранилась, и пatina на монете показывает, что она лежала где-то очень и очень долго. У меня у самого есть небольшая коллекция монет, но таких древних по внешнему виду нет. Спрячьте эту монету. После войны сочтемся.

Французский язык «пошел» у меня сравнительно легко. Пусть простят меня французы, но я не нашел мелодии в их языке и не скажу, что это язык любви. Язык сюсюкания – да. И я не пойму русских дворян, которые так обожали этот язык, что по-русски говорили с акцентом. Те, кто не любят свою родину, поступают именно так. Мои соученики тоже старались показать знание иностранного языка, стихи писали на английском. Спросил я одного американца, учивше-

гося у нас по обмену, о художественных достоинствах этих стихов.

– Владимир, можно я ничего не буду говорить по этому вопросу, чтобы вас не обидеть, – ответил он мне.

Комментарии излишни.

Николай Иванович прекрасно говорил по-французски и пытался передать мне музыку языка, но не преуспел в этом деле, хотя в области изучения иностранного языка он оказался настоящим тираном. Я знаю, что такое интенсивный курс иностранного языка, но я ежедневно зазубривал по двадцать пять-тридцать слов и еще должен составлять предложения с этими словами. Представьте себе такое предложение: «Жэспэр кова котинюэ тужур авэксюксэ нотре коляборасьо». Всего-то обозначает, что я «надеюсь на продолжение нашего плодотворного сотрудничества» (*J'espere qu'on va continuer toujours avec success notre collaboration*).

Через месяц я уже общался на бытовом уровне, а еще через месяц Николай Иванович сказал, что меня нужно пристраивать к делу, то есть к войне. Что я умею делать? Я не умел делать совершенно ничего кроме как водить автомобиль, мотоцикл. Еще я занимался в аэроклубе и совершил два самостоятельных полета на самолете ЯК-50. Это я и выложил Николаю Ивановичу во время одного из наших вечерних разговоров.

– Так вы пилот? – удивился Николай Иванович. – Я сам мечтаю стать пилотом, но работа в посольстве очень важ-

ная. Граф Игнатьев не отпускает меня на фронт, говорит, что умельцев стрелять из пистолета и скакать на коне пруд пруди, а людей, разбирающихся в том, как нужно снабжать армию материальными средствами – единицы. С какой же скоростью летает ваш самолет Як-50?

– Самолет не сильно быстроходный. Обычная скорость 320 километров в час, но может выжать и 420 километров в час, движок слабый, всего 360 лошадиных сил.

Николай Иванович был просто поражен:

– Таких самолетов сейчас нет. Это фантастика. Самый современный самолет «Ньюпор-ХІ» имеет максимальную скорость у земли до 150 километров в час. Вы сможете освоить такой самолет? Вы будете самым знаменитым летчиком. Давайте я вас устрою в летную школу или в действующую эскадрилью. Вы будете российским волонтером. Во Франции любят русских. Наша стрелковая бригада успешно сражается с немцами здесь, во Франции и командование надыхается на нее не может. И русский летчик во французской армии! Вы свободная птица и никто не сможет вами руководить. Как я вам завидую!

Мне и самому хотелось полетать на самолетах этого времени, но одно дело летать в аэроклубе, получая команды по радио от инструктора, который дает советы по пилотированию. Я почти год занимался аэродинамикой, изучением самолета, сидел в тренажере, прежде чем вылетел вместе с инструктором на «спарке» и только потом меня выпустили

в самостоятельный полет.

Я, конечно, могу еще раз крутнуть кольцо, но куда я попаду? С кольцом нужно экспериментировать осторожно, двигая его чуть-чуть, а то можно очутиться в палеозое и убегать от челюстей динозавра, не зная, какой на дворе год и сколько и куда крутить кольцо. И второе, а как это будет выглядеть с моральной стороны? Как только зашел вопрос о войне, так сразу в кусты? Это же прямое дезертирство. Незнакомый человек меня принял, мне поверил и я, как свинья, исчезну в самый ответственный момент. Я хоть и современный человек, но вопросы чести не чужды и мне. Ладно, поживем здесь, посмотрим, я же историк и должен изучать разные исторические эпохи.

Глава 6

Вечерами мы долго разговаривали с Николаем Ивановичем. Я ему рассказывал о том, как мы живем в моем времени, а он, как мальчишка, заворожено слушал меня и даже в темноте я видел восторженное сияние его глаз.

Я щадил моего собеседника и рассказывал только о том, что происходило с 1960 года. О том, что было раньше и о перестройке не говорил. Не все мои современники могут спокойно говорить о тех временах, когда без войны решался вопрос существования в России.

Без всякой идеологии выходило очень гладко. В 1961 году наша промышленность и наука достигли такого развития, что мы запустили в космос первого летчика-космонавта майора Гагарина. Затем еще многие наши летчики летали в космос, производя военные и научные исследования. Американцы запустили свой космический корабль к Луне и первый человек, американец, ступил на поверхность Луны.

– Не может быть, – восхищенно говорил Николай Иванович, – неужели наша Россия достигла такой степени могущества. Я всегда верил, что России уготовано великое будущее, лишь бы не было никаких революций и великих потрясений. Да, мы аграрная страна, но мы можем параллельно развивать и промышленность, и науку. А как ко всему этому относится царь?

– А царя нет, – просто сказал я. Все равно об этом пришлось бы когда-то говорить. – Царь отрекся от престола сразу после окончания вот этой войны.

– Как отрекся? – закричал капитан. – Этого не может быть! Вы обманули меня, вы русский революционер и я, столбовой дворянин, у себя приютил революционера.

– Николай Иванович, я не революционер, – стал объяснять я. – Я даже могу вам сказать, что и в 1961 году русские офицеры носят такие же погоны, как у вас. Просто у нас нет флигель-адъютантов, а чин капитана соответствует чину майора и на погонах два просвета и одна большая звездочка.

– А сколько звездочек у подполковника? – сразу появился военный интерес моего слушателя.

– Две звездочки, – сказал я, – а у полковника – три. И у генералов погоны с золотым шитьем в виде зигзага.

– А как с дворянским вопросом? Как с вопросом земле-владения? – посыпались самые насущные вопросы.

Мне приходилось любыми способами уходить в сторону от этих вопросов и переходить к технике, потому что любое слово о переменах в России сразу покажет, что революционеры разделили все население России на врагов, которые подлежат обязательному уничтожению, сочувствующих врагам и прочих, чье нахождение на территории России крайне нежелательно. Рассказывать об этом, все равно, что заранее морально уничтожать русских людей, которые находятся на войне и еще не знают, какая кровавая судьба им уготова-

на.

Я лежал и молчал, как будто я уснул и думал, что все революционеры – это кровожадные ацтеки и индейцы майя, которые готовы пролить реки крови для собственного счастья...

Глава 7

Николай Иванович заручился поддержкой военного агента графа Игнатьева и мое прошение о принятии на службу волонтером-пилотом пошло по инстанциям в министерстве обороны Франции. Французская бюрократия оказалась несколько короче нашей, и я быстро получил назначение в одну и авиационных эскадрилий.

В эскадрилью я пришел как готовый пилот, и сразу был подвергнут летному испытанию. Я не буду описывать самолет «Ньюпор», это все равно, что описывать отличия «харлея» от велосипеда 1945 года выпуска.

Я только попросил показать, как заводится двигатель. Оказалось, что очень просто. Когда помощник раскручивает винт, нужно нажать кнопку замыкания магнето и толкнуть вперед сектор газа. Какая-то аналогия с простейшим лодочным мотором. Также дергаешь веревочку, чтобы раскрутить маховик и магнето начало вырабатывать искру, и в этот момент нужно открыть дроссельную заслонку для увеличения подачи топлива. Мотор чихает и заводится.

С мотором работает моторист. Летчик только летает. Панель приборов никакая. Датчик уровня топлива, датчик уровня масла. Все. Остальное определяется на глазок. Да, есть еще воздушная заслонка, чтобы увеличивать или уменьшать поток воздуха на двигатель. Я заглянул во все уголки

самолета, чтобы представлять себе систему управления и поразился тому, насколько там много деревянных деталей и насколько же непрочна эта конструкция, обтянутая перкалем.

Что меня еще поразило, так это отсутствие привязных ремней. Я слышал, что во время вынужденных пируэтов в воздухе некоторые летчики просто выпадали из своей кабины. Отдельные из них успевали зацепиться за что-то, добраться до рычага управления, выровнять самолет и спастись, но некоторые летчики просто падали вниз.

Я походил по ангару и нашел веревку, которой и привязал себя к простенькому сиденью для пилота. Интересно, не оторвется ли кресло вместе со мной. А, будь, что будет. Все равно, парашюта нет, а я не любитель прыгать с парашютом. За бутылку помощник инструктора в аэроклубе поставил галочку, что я совершил один прыжок. Я же не парашютист, а летчик.

С рулежкой по аэродрому я справился успешно, посмотрел на «колбасу» и пошел на взлет. Скорость была небольшая, но самолет легко взлетел, едва я взял ручку на себя.

Я быстро нашел точку равновесия как на велосипеде и полетел ровно, не рыская. Легкий самолетик подбрасывало на воздушных потоках, но мотор работал ровно и самолет слушался руля. Я помахал крыльями, сделал маленькую «коробочку» и вдруг свалился в «штопор». Этого я просто не ожидал, и мои судорожные движения делали «штопор» более крутым. Где-то в подкорке пронеслись слова инструктора.

тора: «если самолет не слушается, перестань им управлять, он сам полетит так, как ему надо». Я убрал ноги с педалей и отпустил рычаг управления. О, чудо! Самолет сам вышел из штопора и перешел в горизонтальный полет. Не хило. Я снова набрал высоту, разогнал самолет на снижении и попробовал сделать полупетлю. Получилось. И я удержался в кресле, то есть кресло с веревкой удержали меня. Нужно найти какой-то широкий ремень, потому что веревка слишком больно врезалась в меня. Я достаточно легко и плавно приземлился, и подрулил к штабному домику.

Командир эскадрильи подошел, посмотрел на меня и сказал:

– Летчика определяет его полет, а не бумажка, где написано, что он пилот. Все видели ваш полет, и все могут подтвердить высокий класс подготовки. От имени командования Франции я вручаю вам знак пилота нашей эскадрильи и белый шарф. Добро пожаловать в строй, мой мальчик.

Приятна такая оценка моих летных достижений, но я еще не был в бою. Как я там поведу себя? Смогу ли перебороть себя и вступить в схватку с врагом?

В 1915 году на самолеты уже начали устанавливать пулеметы Льюиса, и был сделан синхронизатор, чтобы выстрел происходил в момент, когда лопасть винта открывала ось ствола пулемета. Мы тренировались в стрельбе из пулемета с рук по привязанному на веревке тряпичному шару, стараясь почувствовать пулемет. Сделали и тренажер. На доску

закрепили пулемет. На доске лежит пилот. Два человека двигают в разные стороны конец доски, создавая иллюзию полета, а пилот должен поразить одиночно висящий тряпичный шар. Упражнение трудное, но нужное для воздушного боя.

Каких-то прицельных приспособлений авиационного типа не было, но я определил параллель от прицельной линии пулемета по линии от моих глаз до ветрозащитного щитка. Там я краской нарисовал несколько концентрических кругов с перекрестием. То есть я, сидя в самолете и глядя в нарисованный круг, знал, куда направлен ствол пулемета, и мог стрелять достаточно прицельно.

Сравнительно быстро я научился стрелять и из выданного мне револьвера «лебелъ». Это тоже оружие летчика. Когда кончатся патроны в пулемете, семь патронов в нагане могут помочь добиться победы.

Глава 8

Ночь перед первым боем. Об этих ночах много написано. И возвышенного. И не возвышенного. Кто-то пишет письма. Кто-то сочиняет стихи, а потом, если поэт погибает, эти незатейливые стишки объявляются феноменом современной поэзии, все композиторы перекладывают их на музыку в виде томных романсов или задушевных песен. Правильно кто-то говорил, не помню точно кто, но что при жизни человеку трудно добиться известности и что у себя дома всегда с открытыми ртами слушают иностранцев.

Честно говоря, и у меня перед первым боем было такое же ощущение как перед операцией по удалению аппендицита. Вот придут санитары, сделают успокоительный укол, голого положат на каталку, накроют простыней и повезут в операционный блок. Там обмахнут йодом, обколют новокаином и разрежут, рассказывая тебе анекдоты о том, почему в парикмахерских кошки терпеливо сидят около каждого мастера.

– И почему? – спрашиваешь ты.

– Сидят и ждут, когда на пол упадет свеженькое ухо или нос, ха-ха, – рассказывают тебе концовку.

Потом человек засыпает и неизвестно, проснется он или нет. Так и бой: неизвестно, вернется человек из боя или нет.

Я так крепко спал, что проспал сигнал подъема и прибе-

жал посыльный солдат, чтобы разбудить меня.

– Ты проспал подъем в день первого боя, – изумился командир эскадрильи, – ну и нервы у тебя. Ты, возможно, еще хочешь и позавтракать?

Я был голоден и с удовольствием позавтракал. Съел яичницу с куском жареной колбасы, ложкой выхлебал стакан густой сметаны и выпил чашку кофе. В хорошем настроении и с сигаретой во рту я появился в дверях столовой. Все летчики стояли и смотрели на меня.

– Ты что делаешь? – возмутился командир. – Перед боем нельзя есть. Вдруг пуля попадет в живот и тебя не смогут спасти.

– Извините, мон капитэн, – сказал я, – лучше быть сытым, чем потом с болью вспоминать, что ты мог хорошо позавтракать и не стал завтракать.

Смех летчиков был ответом на мои слова. Я не собирался делать что-то нарочно, но снял напряжение у всех молодых летчиков. Опытные пилоты только рукой махнули на меня, что с меня взять – русский!

Нам поставили задачу прикрыть войска в районе реки Марны от бомбардировок «цепеллинов». Дирижабли сопровождали истребители. Мы должны были преодолеть их сопротивление и атаковать огромные летательные аппараты. Взлетали парами. У меня на руке были мои старенькие часы Nokia и огромный туристический компас в медном корпусе, чтобы можно было ориентироваться в воздухе. Район боевых

действий мы предварительно изучали по карте и ориентировались по шоссейным дорогам и по линии реки Марны.

Кое-кто смеялся надо мной, но я стал привязываться подпругами от кавалерийских седел. Сыромятные ремни могли выдержать десятка два таких же парней, как и я, но ремни хранили мою жизнь. Некоторые летчики, глядя на меня стали делать так же. Это потом уже введут обязательное привязывание летчика к сиденью.

«Альбатросы» атаковали нас первыми. Можно сказать, что они неслись на нас, но мне, привыкшему к огромным скоростям, казалось, что они медленно подбираются к нам. Каждый летчик воевал индивидуально. Я перешел в набор высоты и, будучи выше противника, обстрелял своего противника. «Альбатрос» был скоростнее «ньюпора». У нас максимальная скорость 135 км/час, а у «альбатроса» почти 150 км/час. Есть разница? Есть. У нас один пулемет, а на немецком самолете два пулемета «шпандау» калибра 7,92 мм. Нам помогала более высокая маневренность полутороплана и точность стрельбы пилотов.

После обстрела я пролетел мимо своего противника и, пока разворачивался, увидел, что он пристроился мне в хвост, поливая меня пулями из двух пулеметов. Нужно уходить, но он меня догонял. Снова сделал полупетлю и оказался в хвосте «альбатроса». Чувствовалось, что мой противник просто не понял маневра и лихорадочно озирался, смотря, куда я мог улететь. В привязанном виде я мог делать фигу-

ры высшего пилотажа, а он не мог, и, вообще уже можно было делать и «мертвую петлю», ссылаясь на русского капитана авиации Петра Нестерова. Кто проверит? Пусть проверяют, к этому времени он уже сделает свою мертвую петлю или подтвердит, что он уже теоретически ее разработал. Я никогда не прицеливался так тщательно. Я летел несколько под углом к своему противнику и с близкого расстояния выпустил длинную очередь. «Альбатрос» задымил и пошел вниз. Чем быстрее он долетит до земли, тем больше вероятность, что летчик успеет спастись.

Сегодня у меня нет зла к тому пилоту, с которым я воюю. Просто война. Но я знаю, что его дети придут на мою родину грабить и убивать ни в чем не повинных людей, завоевывая себе «лебенсraum». Я знаю, что мы их победим и даже заберем себе источник германской агрессии – Восточную Пруссию, назвав ее Калининградской областью. И бывшие наши союзники Америка и Англия сразу же после победы станут теми, кем они были всегда – злейшими и смертными врагами России. В России падет коммунистический режим, но американское НАТО будет собирать всю Европу, чтобы окружить и уничтожить Россию. И Украина подтвердит свою прополянченную сущность, встав в ряды тех, кто стремится к уничтожению России. И я, воюя в рядах французской армии, тоже нашего будущего врага, защищаю интересы моей России из 1915 года.

Глава 9

В том бою я сбил два «альбатроса». Бой продолжался всего лишь пятнадцать-двадцать минут, но мне показалось, что прошла целая вечность. Наша эскадрилья сбила четыре самолета, потеряла трех летчиков и вынудила «цепеллин» приземлиться в полосе между французскими и немецкими окопами, где он и был уничтожен полевой артиллерией, а каркас и оболочка были растащены обеими сторонами для своих окопных нужд.

Мы могли находиться в воздухе не более двух часов. Полчаса до места боя, полчаса обратно, двадцать минут на бой и еще должен быть запас горючего на всякий случай. Мы возвращались победителями. Был бы триумф, но мы потеряли трех наших товарищей. Отдав дань их памяти, мы пошли в столовую. Жизнь продолжается. Меня наградили бронзовым Военным крестом с мечами и лавровой ветвью, показывающей, что приказ подписан командующим армией. Давно воюющие летчики приняли меня в число ветеранов. Скоро мне пришлось заниматься с молодыми летчиками. Учить их стрельбе из пулемета на наших «тренажерах», привязываться к креслу, на руках показывать прием ухода от противника полупереворотом и выход в район его хвостовой сферы.

Благожелательное отношение ко мне в эскадрилье было обманчивым. Как волонтеру мне чаще всего пожимали руку

за мои новые победы и поощрительно похлопывали по плечу. Обыкновенное отношение за границей к русским. Краем уха я слышал разговоры о том, что русским никогда не стать настоящими европейцами и наше предназначение всегда быть на подхвате у Европы.

Мои боевые товарищи «обмывали» боевые ордена, гордились своими победами, хотя по числу побед уже в новом 1916 году я стоял на первом месте, но моей фамилии не было на грифельной доске, где отмечались вылеты и победы. Правда, в канцелярии все заносилось в мою летную книжку.

Однажды во время боевого вылета мой самолет перестал слушаться руля. Мы еще не вступали в соприкосновение с противником, а я уже летел на неисправном аэроплане. Судя по всему, обрыв правой тяги вертикальных рулей. Совершая круговой полет влево, я потихоньку посадил самолет на поле. Так и есть. Причем интересный обрыв, начало которому положили плоскогубцы. Кто-то надрезал тягу.

У меня, как у любого русского автомобилиста или техника под сиденьем всегда есть что-то, что поможет устранить неисправность, не ожидая пока прибудет ремонтная бригада. Так и у меня нашелся моточек стальной проволоки, молоток, пассатижи. С помощью проволочных скруток я восстановил целостность тяги и снова взлетел, догоняя своих товарищей. Я видел, кто больше всего был удивлен моим возвращением в строй, но не показал вида: бросить тень подозрения легко, но нет никаких доказательств.

О неисправности я доложил командиру эскадрильи. Сказал, что это было умышленное повреждение боевого самолета, и попросил усилить охрану именно моего самолета.

— Почему вы считаете, что именно ваш самолет требует усиленной охраны? — спросил командир эскадрильи.

— Господин капитан, только у моего самолета случаются такие поломки, которые являются следствием чьего-то злого умысла, — и я рассказал о количестве обнаруженных мною и исправленных повреждений, чтобы не пропустить боевой вылет.

— Хорошо, мы подумаем над этим вопросом, — сказал капитан и с этого времени диверсионные вылазки в отношении моего самолета прекратились.

На меня обратили внимание только тогда, когда германское командование объявило, что сбивший меня летчик будет сразу награжден высшим воинским орденом «Пур ле мерит». Военные корреспонденты устремились в нашу эскадрилью, чтобы узнать, как они пропустили французского аса, который так сильно насолил бошам.

Только благодаря журналистам мне было присвоено звание лейтенанта французской армии, и я был награжден орденом Почетного легиона. Орден мне вручал сам маршал Франции Фердинанд Фош. Ему было уже 65 лет, но это был самый знаменитый человек в Антанте, за выдающиеся заслуги ему будет присвоено звание фельдмаршала Англии и маршала Польши.

Я стоял на большом ковре в его кабинете, а маршал с любопытством оглядывал меня.

— Сынок, — сказал он, — я внимательно смотрю на всех русских, приезжающих во Францию, вступающих во французскую армию или в Иностранный легион и никак не могу понять, как такие ребята как вы смогли разбить непобедимую армию императора Наполеона, сжечь свою столицу и милостно обойтись с Парижем. Мне просто хочется предупредить любого императора, который захочет воевать с Россией — эти ребята победят любого, кто пойдет на них, но уже не будут церемониться с побежденной столицей. Я очень рад, что Россия наш союзник, а не враг. Иди сюда, я обниму тебя.

После этого мне был вручен указ президента Франции о награждении меня офицерским крестом ордена Почетного легиона и приказ маршала Фоша о присвоении мне звания лейтенант. Маршал приколот новый орден рядом с Военным крестом, отошел назад посмотреть, ровно ли приколоты ордена, и только после этого пожал мне руку. Присутствовавший фотокорреспондент сделал два снимка и один из снимков я видел в «Фигаро». В коммунистической «Юманите» я был назван русским революционером, скрывающимся от русских властей. Мне даже пришлось давать опровержение, что я не имею никакого отношения к революционным организациям России и в армию поступил по рекомендации русского военного агента.

Я взял полагающийся мне отпуск и поехал в Париж на знакомую мне квартиру Николая Ивановича. С моим благодетелем мы встретились как старые друзья. Я его поздравил с новым чином подполковника, а он меня с новыми наградами.

— Я читал о ваших подвигах, — сказал он, — и старался не дать разрастаться слухам в российской колонии. Если честно сказать, то любой запрос в Россию даст ответ, что такого человека списках граждан Российской империи не числится, и что прикажете с вами делать? Арестовать и препроводить в распоряжение третьего Его императорского величества отделения для разбирательства по личности. А что вы там скажете? И кто вам в это поверит? Сейчас вы герой и офицер французской армии. И вы можете обратиться с прошением о французском гражданстве. И вам его представят. Вы везде можете представляться как французский гражданин, благо и язык ваш почти не отличается от истинно французского. Вы способный ученик, но скажите мне, вы почувствовали мелодию французского языка?

— Не обижайтесь, любезный Николай Иванович, — сказал я, — но мне до сих пор не нравится французский язык. Возможно, мне нужно в кого-то влюбиться, чтобы понять мелодию любви в этом языке.

— Так влюбляйтесь же, черт вас возьми, — сказал подполковник. — Весь Париж у ваших ног. Любая дама почтет за счастье висеть на вашей мужественной руке. И имя ваше — Владимир — владетель мира...

– Николя, я подаю чай, – раздался обворожительный голос. В комнату вошла дама лет двадцати с небольшим, в белом платье с кружевами и с пышно взбитой копной русых волос.

– Наталья, представляю моего друга Владимира, – сказал Николай Иванович, – нашего соотечественника и героя, а вам, Владимир, я представляю свою сестру Наталью, приехала ко мне в гости, чтобы отдохнуть от военных передрыг в России.

Я встал и поцеловал маленькую руку с длинными музыкальными пальцами, чуточку покраснев от смущения. Такой же румянец появился на щеках Натальи.

– Так, – сказал Николай Иванович, – а чего это вы оба покраснели? Смотрите не влюбитесь друг в друга. У меня совершенно другие планы на твоё замужество. И не вздумай верить ни одному слову этого красавчика во французской военной форме.

Николай Иванович улыбался, но в его глазах ясно читалось: не бреди сердце моей сестре. Ты исчезнешь так, как и появился, а она будет всю жизнь страдать, вспоминая нечаянную встречу в военном Париже.

Я понимающе кивнул ему и весь вечер старался не оказывать особых знаков внимания его сестре и в последующие дни даже и не пытался появиться в районе их проживания, перебравшись в неплохую гостиницу, благо у меня скопилось достаточное количество полетных денег.

Глава 10

Стук в дверь прервал мои размышления.

Прибывший портье сообщил, что в холле меня ожидает женщина.

Я вышел в гостиничный холл и увидел Наталью.

– Почему вы не появляетесь и почему вы исчезли без всяких объяснений? – гневно сказала девушка. – Неужели вы считаете, что я недостойна вашего внимания?

Она присела на диванчик и заплакала.

– Успокойтесь, пожалуйста, Наталья Ивановна, – сказал я. – Я действительно тот человек без роду и племени, который совершенно не достоин вашего внимания. Да вам же братец ваш, Николай Иванович, вероятно, предостаточно рассказал обо мне, чтобы вы не обременяли ум свой мыслями обо мне.

– Ничего он мне о вас не говорил, – сказала девушка. – Сказал, что вы его друг, а Николенька с плохими людьми водиться не будет. А вы герой и я вам не понравилась.

– Что вы! Вы мне очень понравились, только вот..., – замялся я.

– Что только? – насторожилась Наталья.

– Вы мне очень нравитесь, но давайте этот разговор мы продолжим сразу после окончания войны. Я приеду в Россию, а вы будете меня ждать. Вы согласны меня ждать? –

спросил я.

– Да и завтра я уезжаю, – сообщила девушка. – Я хочу, чтобы время до отъезда вы были у нас. И Коленька вас просит.

– Хорошо, подождите меня, я только возьму свое кепи, – прикоснулся я к ее руке.

Через день мы посадили Наталью Ивановну на пароход, и она южным путем отправилась в Россию.

Больше я ее никогда не видел. Можно сказать, что я ее обманул, а можно сказать, что я ее и не обманул. Я просто успокоил девушку. Мы все влюбляемся внезапно и всегда не в самое подходящее для этого время. Я и так нарушил все мыслимые правила поведения в своем прошлом, ввязавшись в войну, убивая людей и уничтожая технику. Если мне удастся вернуться к себе в свое время, то линия событий, в которые я вмешался, может изменить и действительность. А может и не изменить. Да я и сам уже изменился. Я уже не смогу быть тем балбесом, который учится для получения высшего образования и совершенно не знает, чем он будет заниматься после окончания института. Я все-таки решил по-серьезному заняться изучением истории.

Еще через несколько дней я вернулся в свою часть. За эти две недели в эскадрильи появились новые летчики и погибли некоторые мои старые друзья. Снова продолжилась моя боевая жизнь. Боевые вылеты, воздушные сражения, вылеты на разведку или на свободную охоту. У меня не было ка-

ких-то вызовов на дуэль, но я знал, что за мной идет охота, был осторожен, но все же попался в капкан.

Во время свободной охоты я встретился с таким же одиноким «альбатросом» и вступил с ним в схватку. Соперник мне достался не особенно отважный и после первой же моей атаки он постарался уйти от меня, но к концу 1916 года «Ньюпор-17» не уступал в скорости германским самолетам и я стал нагонять противника. Я не заметил, как из низких облаков вынырнули еще три «альбатроса», и они вчетвером вцепились в меня. Что мне пришлось вытворять в небе, чтобы остаться в живых. «Иммельманы», «петли», «бочки» следовали одна за другой. Я боялся, хватит ли прочности самолета, но он выдержал. Я сбил один самолет, серьезно повредил другой, сам получил пулю в руку и множество перкалевых полосок струились по крыльям моей машины. На последних каплях бензина я добрался до своего аэродрома. Так мы познакомились с новым тактическим приемом «засада», которую впоследствии применяли и сами.

Рана оказалась не очень опасной, но заживала достаточно долго. Для поправки здоровья я получил командировку во французскую военную миссию в России и поехал на родину для поправки здоровья и встречи с родственниками.

Февраль 1917 года встретил меня достаточно теплой погодой, отречением царя и огромным слоем шелухи от семечек на улицах Петрограда. Императорская Россия погрузилась в пучину демократии и покатилась по наклонной плос-

кости, не зная, кто она такая, какая у нее цель, и кто должен управлять новым государством.

Везде создавались советы и комитеты. Не Россия, а какая-то Франция на закате эпохи Людовиков.

Отменили чины и звания. Я был свидетелем, когда боевой штабс-капитан с офицерским «Георгием» и крестиком «Владимира» с мечами был избит солдатней за то, что отказался снимать свои погоны. Подойдя к нему на помощь, я увидел, что это мой дядя. И он тоже узнал меня. Я помог ему добраться до французской военной миссии и расположил в отведенной мне комнате.

– Владимир, – сказал он мне, – не верь никаким партиям, особенно тем, кто обещает построить общество счастья и социального равенства. Это самые опасные партии. Это те же кровожадные ацтеки и майя, которые бездумно приносили жертвы и лили безвинную кровь для построения общества Солнца. Как только я примыкал к большевикам, на Россию сыпались неисчислимые беды и страдания. Как только я проходил мимо, так и история вся развивалась спокойно без трагических потрясений. Мне кажется, что все происходит от того, что я нарушил приказ и не ликвидировал Военно-революционный комитет большевиков, сборище террористов и человеконенавистников. Когда я не примыкал к большевикам, кто-то другой уничтожал военно-революционный комитет, и не происходило никакого октябрьского переворота.

– Дядя, я случайно с твоим кольцом попал во Францию

и воюю уже два года, – сообщил я дяде. – Ты мне так и не рассказал, как им пользоваться.

– Не рассказал? – удивился дядя. – Значит, я уже умер в твоём времени? И когда это случилось? Нет, лучше молчи. Я не буду знать и проживу жизнь спокойно. Я кому-то рассказывал, что был штабс-капитаном в первую мировую войну?

– Говорил и все над тобой смеялись, – сказал я.

– Сейчас я не буду примыкать к большевикам, посмотрим, что они будут говорить по поводу моих рассказов, – пообещал он. – А с кольцом все просто. Угол окружности триста шестьдесят градусов. В году триста шестьдесят четыре-пять дней. Практически получается, что один градус равняется одному дню. Можно сдвигаться на день вперед или назад. Вправо – вперед, влево – назад. Один круг – один год. Нажатие на зеленый камешек – один оборот почти сто лет. Если будешь возвращаться домой, то придумай легенду исчезновения.

– А как попасть в свой город, если я из своего города попал во Францию? – спросил я.

– Это какое-то отклонение, – задумался мой родственник. – Обычно находишься в одном месте, только в разное время. Сейчас в наши края ехать не резон, там такой бордель, скажу я тебе, что тебя во французском мундире либо линчуют сразу, либо в сибирские цари производут. Пройди временные пояса здесь, в Питере, а потом на поезде домой

доедешь. Только приготовь, что ты на барахолке толкнешь, чтобы без денег не остаться. А паспорт твой где? Дома? Туго- вато тебе придется. Зайцем поедешь. Проводникам будешь платить. В компании не влазь и водку по дороге не пей, а то вообще до дома не доедешь? Если задумаешь еще что- то посмотреть во времени, то не крути кольцо наобум Ла- заря. Приготовься теоретически и практически. И подумай, а так ли тебе это надо? Ты смотри-ка, во Францию попал, офицером стал, орденов нахватал не меньше, чем твой дядь- ка. Наша кровь.

Глава 11

В принципе, до дома я добрался сравнительно легко и сравнительно быстро. За французские франки купил в работающем банке американские доллары. Доллары они и в Африке доллары. На всякий случай прикупил еще несколько золотых монет царской чеканки, пожал руку дяде, переоделся в простую одежду мастерового и попал сразу в 2007 год. По одежде колхозник колхозником. На барахолке за доллары купил спортивный костюм, кроссовки, черную вязаную шапочку и серую ветровку. Никто и внимания не обратил, что доллары старые. И в обменнике валюты приборчиком просветили, все вроде нормально.

С паспортом связываться не стал. Купил в переходе справку об освобождении. Там же в переходе в фотографическом автомате сфотографировался, карточку приклеили, картинку, то есть печать, приложили, деньги заплатил и справку в карман. На вокзале перемигнулся с проводником, денежку в карман, место в купе. Проводник поинтересовался насчет паспорта, мало ли чего. Показал ему справку, а он и в лице переменился, пожалел, что со мной связался, а назад возврата нет, видать, я уголовник прожженный и, может, у меня «перо» в рукаве спрятано. Я потом в справку заглянул, а там статья 111, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, то-то все настороженно ко мне относились.

Пришел домой переоделся. Вторник. Меня не было дома в выходные и в понедельник. А я почти два года провоевал. Сходил в институт отметился. Сказался, что на субботнике простудился и в понедельник еще болел.

Подтвердил тему дипломной работы и сел за ее написание. Основная мысль – Россия никому не объявляла войну, поэтому ее трудно заподозрить в агрессивности и в завоевательном характере ее участия в войне. В первую очередь, Россия пыталась защитить интересы славян на Балканах. Второе – Россия защищала интересы своего государства и собственных граждан. Третье – предательство коммунистов привело к поражению России, большевистскому перевороту, гражданской войне, разрухе и конфронтации России со всем внешним миром. Страна потеряла все, что относилось к мировым достижениям. Был уничтожен национальный генофонд и культурный слой. Коммунисты ничего не смогли сделать нового, они скопировали то, что было до них и путем жесточайших репрессий и провели индустриализацию и коллективизацию, распродав национальное достояние России, уничтожив религию и интеллигенцию.

Таким образом, в 1914—1918 годах война за интересы Отечества была превращена в войну против своего Отечества. Мы много говорили по этому поводу с Николаем Ивановичем и с моим дядей. Левый переворот, если такой еще раз случится в России, полностью уничтожит государство, разбив его на кучку ханств и каганатов, потому что без

обещания суверенитета и байских прав невозможно настроить регионы против центра. Возможность стать суверенным царьком или князьком разрушит государство, а региональные элиты ради своих корыстных интересов готовы пойти на сговор с кем угодно, лишь бы попанствовать и посидеть в лисьей мантии на резной табуретке.

Защита диплома проходила очень бурно. Представленная мною работа расколола на два лагеря не только ученый совет института, но и большинство моих сокурсников. Панегирики Ленину и Сталину перемежались анафемами в их адрес. Глубинная сущность «левых» сразу проявилась в том, что отсутствие аргументов они пытались подменить либо кулаками на студенческом уровне, либо использованием служебного положения профессорско-преподавательского состава, причем левые не шли ни на какой компромисс.

Нужно прямо сказать, что если бы не угроза надвигающейся войны, то коммунисты в России стали бы обыкновенными полпотовцами и уничтожили бы две трети населения страны, чтобы не было ни одного человека, кто хоть на йоту сомневался в верности марксистско-ленинского учения. И тогда фашисты довершили бы дело, начатое коммунистами-ленинцами, сменив лишь охрану в концлагерях, которые коммунисты строили для блока партийных и беспартийных.

Точку в споре поставил ректор. Мою защиту утвердили с оценкой «хорошо». И даже до сих пор отдельные мои знакомые просто «рычат», встречаясь со мной. Все-таки Бог

есть на свете. Когда коммунисты перестали доверять людям и на руководящие посты стали ставить только коммунистов, то нормальным людям ничего не оставалось делать, кроме как становиться коммунистами, чтобы хоть как-то быть полезными своей родине, а не прозябать с профессорскими знаниями в должностях сантехников и дворников.

Честными признавались только рабочие и крестьяне. Коммунисты сразу отказали в честности абсолютному большинству населения страны, считая, что не коммунист не может быть честным. В число честных вне очереди проходят рабочие и крестьяне. Нормальные рабочие и крестьяне видели, что они могли быть честными, не становясь коммунистами. Но тогда бы и они были записаны в разряд нечестных людей, кому нельзя доверять.

В 1991 году буквально за несколько дней от двадцати миллионов остались несколько тысяч коммунистов, остальные спрятали или уничтожили свои партбилеты и не вспоминают о них, как о не совсем знаменательной части своей жизни.

Глава 12

Учеба закончилась. В школу идти страшно, потому что там, на просторах бывшего Советского Союза, началась фальсификация нашей истории по пристрастиям руководителей регионов, руководителей региональных управлений образования и преподавателей. Каждый дудит в свою дуду. Американцы присылают свои учебники да такие, что любой прочитавший их воспламенится ненавистью ко всему русскому. Одна ненависть, воспитываемая ежедневно, ежечасно еще с тех времен, когда гремели битвы под Полтавой и Нарвой, Варшавой и Будапештом, Берлином и Кенигсбергом.

Все удивляются тому, что России удалось выжить при правителях, которые распродавали ее оптом и в розницу по дешевке любому желающему. Любая страна давно корчилась бы в руинах, а наша встала на ноги и еще пытается что-то говорить. И будет говорить, без всяких коммунистов.

Пора бы России принять как данность изменения в истории и самой влиять на все европейские процессы, не ввязываясь в грязь взаимоотношений между ними.

Итоги Второй мировой войны пересматриваются. Существующие границы перекраиваются. Президент США открыто заявил, что НАТО должно избавиться от унижающих последствий Ялтинской Конференции. НАТО совершенно безнаказанно осуществляет *Drang nach Osten* к грани-

це России по всему ее периметру. И на острие НАТО рвутся Украина и Грузия. У России всегда был действенный лозунг: «чужой земли нам не надо и своей ни пяди не отдадим». Отдаем. Китайцам, приближая Китай к набережной города Хабаровска и практически сдавая укрепленный район на острове Большой Уссурийский, построенный героем, генералом и инженером Д. М. Карбышевым.

Следующий момент. А нужен ли нам район Кенигсберга? Анклав, который отрезан от остальной России и где все немецкое, потому что это Восточная Пруссия и Калининград – это город Кенигсберг, штурмом взятый советскими войсками. Время прошло. Мы вернули Германии вывезенные ценности. Не все, правда. Пора вернуть и территорию. Поставить Германии условия, при которых эта территория будет возвращена. Не убегать, поджав хвост, а уйти с достоинством и при выполнении всех условий. Условия не выполнили, пошли все к... побережью Балтийского моря в пешую эротическую прогулку. Те граждане, которые захотят остаться в Германии, должны получить германское гражданство. Но Германия должна обеспечить строительство жилья для граждан Калининградской области в тех районах, которые будут определены договором. Территории по мере переселения населения территории будут передаваться Германии.

Германия на это пойдет. И это не умалит авторитет России, но снимет многие вопросы, которые ежедневно приходится решать. И флот наш Балтийский может арендовать ба-

зу в Германии, а может передислоцироваться и на территорию собственно России. И вообще Германия будет довольна, если Россия не будет вмешиваться в территориальные вопросы в Европе. Не ее это дело. Европейские державы сами разберутся, кто и кому должен.

У Германии есть что сказать по этому поводу своим соседям. Восточная Пруссия была разделена между Советским Союзом и Польшей. В состав Советского Союза вместе со столицей Кенигсбергом (Калининградом) вошла одна треть Восточной Пруссии. Небольшая часть, включавшая часть Куршской косы и город Клайпеда (бывш. г. Мемель, нем. Memel, Клайпедский край), была передана Литовской ССР. Западная Пруссия стала частью Польши (Поморское воеводство с центром в Гданьске, бывший Данциг).

Все возвращается на круги своя. Когда Россия начинает заниматься своими делами, все почему-то начинают скучать. И пусть скучают.

Честно говоря, у меня нет никакого интереса заглядывать в наше будущее. Взял, заскочил вперед лет на двадцать-тридцать, а тебя там нет. Вот и получится прыжок в неизвестность и безвестность, откуда нет возврата. Будущее мы можем только предполагать, но то, что все государства устали от мирной жизни – это факт.

Войны идут одна за другой. Сверхдержава везде стремится насадить демократию и за эту демократию ей еще ой как еще огребется. Другие страны демонстрируют свою солидар-

ность и белозубые улыбки их руководителей больше похожи на оскал, нежели на приветственный жест. Стоит только кому-то расслабиться, как его тут же отымеют более расторопные соседи, у которых давно заготовлены аргументы в пользу того, что пожирание соседа юридически оправдано, экологически выгодно и служит общим интересам.

Другая цивилизация спит и видит, что в небе не один полумесяц, а, по крайней мере, не один десяток тысяч. И созвездие Южного Креста переименовано в созвездие Южного Полумесяца. Причем в этой цивилизации абсолютно большое количество здравомыслящих людей, которые прекрасно понимают, что их будущее в мирной жизни, но агрессивное меньшинство сочтет их предателями и придет убивать его и его родственников при молчаливом согласии неагрессивного большинства, которое из страха возьмет оружие и пойдет убивать всех, кто попадется под руку.

Вот она задача для землян – остановить войны и жить одной семьей, но каждый считает себя обиженным: у кого-то щи пустые, а у кого-то бриллианты мелковаты. И никогда люди не пойдут другу к другу с намерениями добра и помощи: каждый в белозубой улыбке увидит стремление показать свои зубы и способность к агрессии и защите.

Что-то у меня мрачные прогнозы на будущее. С такими мыслями нельзя детей учить. И писатель с такими мыслями тоже человек опасный. А вдруг его книгу напечатают и ее прочтут человек двадцать, которые станут его последовате-

лями? Эти двадцать человек расскажут трем человекам каждый, это уже шестьдесят человек, а те еще трем и так далее. Получается, что писатель – это как вирус, что напишет, то и распространяется в виде болезни среди людей. И болезнь эту лекарством не вылечишь, нужно новую книгу писать.

Лучше писать о старых добрых временах, чтобы у людей были самые добрые мысли, и чтобы человек закрывал книгу с чувством глубокого удовлетворения, ложился спать и видел розовые сны. Нужно подумать, куда мне еще съездить, чтобы познакомить читателей с впечатлениями от истории нашей.

Кстати, я сделал запрос в отношении Николая Ивановича Краевского и сестры его Натальи Ивановны. О Николае Ивановиче данных нет. По непроверенным сведениям, он погиб, сражаясь в Добровольческой армии. Сестра его Наталья Ивановна была сестрой милосердия, расстреляна в Крыму вместе с ранеными офицерами, которых она отказалась оставить. Красное милосердие.

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы, все время мимо,
В своего стрелял коня.*

(Николай Туроверов)

Глава 13

После института я избрал себе профессию свободного художника. Писателя. Деньги еще были, доллары в свое время стоили достаточно дешево. На небольшую сумму в рублях их можно было купить столько, что хватит не на один месяц жизни без особого шика. Да писателю особенно много и не надо. Ему нужен компьютер, настольная лампа, энциклопедический словарь, неумная фантазия и смелость писать то, что любой другой человек назвал бы бредом или игрой воспаленного разума. Давайте скажем прямо, что те, кто взял в руки перо, чтобы писать стихи или прозу – это люди не от мира сего. Можно, конечно, сказать, что они люди нормальные, но что-то ненормальное в них все-таки есть.

Я написал книгу о приключениях русского волонтера во Франции в 1914—1918 годах. Никаких колечек с зеленым камушком. Приехал дворянский сын на учебу во Францию, а тут война. Патриот поступил в школу летчиков, закончил ее и был направлен в эскадрилью, состоящую в основном из волонтеров из разных стран. Воевал отважно, стал офицером французской армии, получил самые высокие награды и со славой вернулся в свое Отечество, которое горело в огне революции.

Книга получилась немаленькая. Завязана интрига, что в эскадрилью под видом американца проник агент немец-

кой разведки, который приводил в негодность самолеты, при вылетах в паре сбивал своих напарников, а потом производил разведку французских позиций и рисунки сбрасывал в контейнере в условленном месте над немецкими позициями. Любовные истории, радости и разочарования, восторги и печаль. Книга, вроде бы, удалась.

Понес одно издательство. Говорят, ты нам сначала синопсис дай, к синопсису аннотацию и первую главу, а мы, когда это посмотрим, так свой вердикт тебе и вынесем. И выносят вердикт: спасибо, – говорят, – только вот ваше произведение не подходит под политику нашего издательства. Напишите еще чего-то, приходите с синопсисом, с удовольствием посмотрим.

Помыкался я по издательствам, а там всем дамские сопли подавай, там Малинина с Донцовой бал заправляют. Сказали мне по секрету, вот если бы ты был Сервантесом и принес нам повесть о приключениях хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанчского, то тогда, может быть, они бы и напечатали меня и то, если я передам им все права на свое произведение и получу за это одноразовый гонорар в размере восьми процентов от оптовой цены тиража. Но я же не Сервантес и даже не Лев Толстой, поэтому и пошел я в пешеходную прогулку с эротическим уклоном. А один тонкий знаток закулисы сказал:

– Ты вот тут все правду-матку резать собираешься. А ты не знаешь, что это никому не нравится? И не нравилось ни-

когда. Ни одному царю и ни одному генсеку, даже если эта правда касалась только их. Эти правдолюбцы становились лагерными писателями и поэтами, которых потом, из сострадания, печатали на оберточной бумаге маленькими брошюрками, смотрите мол, и мы тоже боремся с проявлениями того, что не должно быть, но будет скоро обязательно в более изощренном виде.

Если ты слепой, то купи себе очки и посмотри, что делают самые знаменитые писатели, те которые премии разные получают, ордена, звания. Они и пишут не только то, что нынешней власти нужно, но и в президиумах разных съездов и конференций заседают, тонко улавливая все колебания генеральной линии и быстренько вступая во все партии, которые создаются людьми, имеющими власть и деньги для создания этих партий. Они умные. Они знают, что в гении и в классики назначает власть.

Кто Пушкина классиком сделал? Царь. Думаешь, он был один на всю Россию и «памятник себе воздвиг нерукотворный»? Памятники воздвигают не поэты, а государи. Если бы поэты себе памятники воздвигали, то от этих памятников на Руси нашей не протолкнуться было. А памятники писателям? А памятники художникам? А если скульпторы себе памятников понаставят? У нас если посмотреть, то вся организованная преступность себя памятниками обеспечила. На кладбище заходишь как в художественную галерею или музей какой.

Пришли коммунисты – других классиков назначили. Сейчас демократы своих классиков назначают. А ведь в России было и есть очень много талантливых поэтов, но их никто не назначил в классики или в гении, и они ушли в неизвестность. Кто на литературные премии выдвигает? Власть. Кто эти премии дает? Власть. Кто учебники утверждает? Власть. Так вот, если ты будешь Архимедом или Ньютоном, но будешь гавкать на власть, то тебя не назначат ни в Архимеды, ни в Ньютоны. Найдут других. Думаешь, того Пушкина бы печатали? Ничуть, и он, и его издатель «во глубине сибирских руд хранили б гордое терпенье». Так что думай сам.

И ведь прав он. Смотришь на партийный съезд, а там везде знакомые лица, те, которые с коррупцией борются, критику разную наводят, острые произведения пишут, значит, в струю пишут, если их власть уважает, печатает и на экран выпускает.

Списался я со своим знакомым американцем Джеймсом, тем, что у нас учился по обмену, по «электронке» отправил ему свое творение. Через сутки пришел ответ от него: «Володя, ты умеешь писать сценарии?» Пишу – нет. Снова предложение, уже коммерческое: Джеймс переводит роман на английский язык и отдает его профессиональному сценаристу, за это Джеймс получает 30 процентов от прибыли. 30 процентов и мне как автору. 40 процентов – сценаристу, который на основании произведения создаст сценарий для постановки в «Уорнер Бразерс». Нужно твое согласие, вот вари-

ант контракта.

То, что у нас делается в течение от десяти до двадцати месяцев, американцы сделали за три дня. Пишу: «Джеймс, с условиями согласен». Если, — думаю, — и кинут меня американцы, то хоть приятно будет от того, что я создал что-то стоящее.

И что же получилось? А получилась «Эскадрилья «Фокон» (faucou по-французски сокол) со звездами кино в главных ролях. Там в титрах было так маленькими буквами написано, что сценарий написан по роману «Волонтер». Со мной киностудия договор заключила: как только я что-то напишу так сразу к ним, они либо издадут в переводе на английский, либо экранизируют. А гонорары-то у них знаете какие? Нашим и не снились. Мою долю четко перевели на тот счет, который я им указал.

Так что писателем я стал, русскоязычным, но издающимся на английском языке к славе Америки, которая является меценатом для всех мировых талантов. Да я бы издавался за грошовые гонорары здесь в России, только России я не особо интересен. Возможно, когда мои произведения переведут с английского на русский (не пойму для чего, если есть оригинал на русском языке), то возможно, что и меня издадут в России.

Глава 14

Жизнь человеческая очень короткая, если у человека есть дело, которое его захватывает целиком и которому он отдает все свободное время. Какой же историк откажется вернуться во времени назад, чтобы подтвердить свои знания или же сказать, что вот этот профессор в процессе изучения того или иного события в истории нашей оказался совсем не прав или не совсем прав и представить документальное доказательство правоты сделанного публичного заявления.

А, может, и не нужно никого низвергать со своих пьедесталов. Пусть люди будут уверены в своих теориях. Писатель то же самое опишет в художественной форме. Пусть ему не поверят, и пусть с ним будут спорить специалисты, но он-то был там, стоял с ратью на Донском поле и видел, чем достигается свобода народа, и что романтика войны – это удел маньяков.

Хотел и я вернуться к истокам нашего города, побывать там в то время, когда на месте слияния Иртыша и Оми высадилась экспедиция под командованием подполковника Бухгольца (или Бухольца). Представил, как взойдут местные краеведы, доказывая, что они уже до тонкости изучили этот вопрос и какой-то дилетант, не знающий, как правильно пишется фамилия основателя города (Бухольц или Бухголец), пытается их чем-то удивить. Пра-

вильно говорят – не надо быть пророком в своем Отечестве. Отечество это не любит.

Есть у меня давняя задумка попасть в Киевскую Русь до Переяславской Рады. Посмотреть, почему Русь Святая превратилась в Украину и с чего это Русь отказалась от приоритета на свои же земли, собранные князем русским Владимиром «Красное солнышко». Не зря князя Владимира объявили Святым и Равноапостольным, и особо почитаемым в России царской и в России нынешней. Был учрежден государственный орден Св. Владимира в прежней России и в нынешней России есть церковный орден Св. князя Владимира. Думаю, особо готовиться к этому визиту не нужно. Оденусь по-казацки, да нужно еще походить в школу фехтования взять несколько уроков владения саблей. Без этого, пожалуй, трудновато будет в те времена, когда закончилось Смутное время и когда Русь начала становиться государством, на которое стали оглядываться другие княжества и царства.

Как лучше попасть туда? То ли мне поехать на Украину (я не ошибся, с начала образования Руси было – на Украину, так и останется, хотя украинцы стараются вытравить все русское, что было в их истории и протравить русский язык, чтобы убедить всех, что правильно – в Украину), то ли в Москву, и оттуда с какой-нибудь оказией на Украину.

Что ж, вроде бы наметки плана есть. Стал учить все, что касается того времени. Аршин – это примерно семьдесят сантиметров. Вершок – около пяти сантиметров. Ведро –

двенадцать литров. Четверть – почти три литра. Штоф, это две водочные бутылки или десять чарок – всего получается один литр двести грамм. Бутылка получается шестьсот грамм. Пуд – сорок фунтов – чуть более шестнадцати килограммов. Фунт – четыреста десять грамм. Золотник – четыре грамма. Гарнец – одна четвертая часть ведра, то есть три литра, но это для сыпучих веществ, то есть вес будет больше трех килограммов. Самому лучше не соваться чего-то измерять, пусть измеряют те, кому это положено. В принципе, если потребуется, то могу и счетчиком работать. Сделаю себе канцелярские счеты, буду барыши купцам подсчитывать и деньги за это получать. Да и деньги-то в то время были не совсем такие, как сейчас. Серебро и медь рубились на кусочки разного веса, а потом клеймом в виде молотка на них ставились княжеские знаки и номинал деньги. Придется на месте разбираться с полушками, десятинками, копейками. А разбираться придется, потому сейчас их не достать, подделаешь – попадешься сразу, а за это дело и на кол садили, и живьем варили. Времена, однако.

Московское царство было не таким большим, и не таким маленьким, как его стараются все представить. Выход в Северные моря, на Балтику, по югу граничит маленькая Малороссия вокруг Полтавы, Московская Украина, донские казаки, дикие казаки, запорожские казаки, Крымская орда, царства Астраханское и Казанское, поселение Строгановых, Сибирское царство, зато Польша прямо-таки «от можа до мо-

жа». Даже Киевская Русь в Польше. Так вот он откуда украинский язык: поляков и москалей розумиют. Был бы рядом Китай – и китайцев бы розумили, и песни бы спивали: «Вив-чаром в садочку гу ниан саньпула, дэн гу ниан дэн...». Посмотрел словари, поляки, конечно, шибко не жаловали тот язык, который называется украинским: и не польский, хотя заимствовал скампэтки да паньчохи, и не русский, хотя наполовину польский и наполовину русский. Это уже характеристика нации – они не поляки и не русские.

Взял я десять уроков фехтования на рапирах и на саблях. Это не спорт, это наука и психологическая тренировка. Если человек боится колоть противника или рубить его, то он уже проиграл поединок. Оружие берется в руки не для того, чтобы покрасоваться им или полюбоваться златоустовской сталью и блеском клинков, а для того, чтобы защитить себя или нападением уничтожить противника. Это не пистолет для стрельбы издалека. Тут смотришь в глаза противника и видишь, как он боится тебя или наоборот – полон звериной ненависти и готов тебя уничтожить и даже если нанесет поражение, то еще и добьет.

В принципе, теоретически я мог себя защитить при помощи шпаги, но сабельной рубке я не научился. Спортивная сабля – это та же рапира, только немного изогнутая. И вес почти такой же. А настоящая сабля – это увесистый кусок кованого железа. Нужно уметь держать ее и удерживать то равновесие сабли, которое позволит отбить удар, сделать выпад

и не вывихнуть плечевой и локтевой сустав. Придется тренироваться, а где сейчас найдешь специалиста сабельной рубки. Оставались последние кавалеристы в пограничных войсках, но и тех разоружили и разучили от кавалерийских традиций и привычек.

А другой важный вопрос – кем там быть? Дворянскую одежду здесь не сошьешь так, как это делали там. Точно так же и купеческую. Оденешься в крестьянскую одежду и огребешь себе по шее от того, кто тебя сильнее. Остается только средний класс – писаря, школяры. И одежда у них свободного покроя, типа черной рясы, потому что образование получали в основном в церковных учебных заведениях. Бурсами кое-где назывались. И Закон Божий учили, пробавлялись написанием прошений, писем, а то кое-где и украдут что-то да бабе под юбку залезут. Свободная профессия, пока к знатному человеку на службу не поступят.

Глава 15

Вроде бы все готово к путешествию. Даже рясу купил. Поговорил с ребятами-практикантами из семинарии, что в нашем главном соборе практику проходили. Все мы люди, все человеки, а молодые люди всегда общий язык найдут. Честно говорил, что на богоугодное дело для того, чтобы вжиться в образ человека, который жизнь свою посвятил служению Богу. И чтобы ряса была не шелковая, а простая и ношенная, чтобы чувствовать именно то, что чувствует человек, надевший Божеский мундир.

Я шел, проговаривая про себя то, что мною подготовлено и что мне еще нужно, чтобы выехать в Москву 1651—1653 годов. Точно попасть в нужное время не удастся. «Техника» у меня примитивная, но зато будет возможность подкорректировать, а, может, придется и остаться там на подольше, чтобы посмотреть на события, которые являются знаковыми в истории России. И вдруг появилась Она.

Я не стану вам ее описывать. Сколько людей, столько и вкусов. И у каждого человека есть своя Она. Но Она была такой, что большинство мужчин тоже называли бы ее Она. Мне без труда удалось познакомиться с ней и пригласить в приличное кафе. Похоже, что она везде Своя. Она сделала заказ изысканных блюд, томно сказала, что еще не видала таких мужчин, как я. Она даже не понимает, что именно

привлекло ее в моем облике.

– Что-то такое, – проворковала она, – что может привлечь любую женщину, будь она падшей или высокородной принцессой. Вероятно, вы не страдаете от внимания женщин?

– Ну, что вы, я очень скромный человек, – сказал я, – но я польщен Вашим вниманием ко мне.

– Давайте встретимся завтра, – сказала она, – я буду ждать вас у ресторана «Гранд».

И упорхнула своей грациозной походкой.

Подошедший официант подал счет, посмотрел на мои брови, изогнувшиеся в виде нолей цифр счета, и сочувственно сказал:

– Похоже, что вы и не подозревали, как вас «крутанули»? Лялька это может.

Мне пришлось встретиться с владельцем кафе, оставить у него все мои координаты и дать слово, что к пятнадцати часам следующего дня я возьму свой долг плюс пять процентов.

Как всегда, когда начинается полоса неприятностей, то она никак не перемежается с белой полосой: просто черная полоса расширяется. Недаром говорят: пришла беда – отворяй ворота. Закрытый банк. Наконец, его открыли. Что-то случилось с моим ключом от банковской ячейки. Вызвали слесаря. Сказали, что если до закрытия банка неисправность не будет устранена, то доступа к моей ячейке сегодня уже не будет. Кое-как открыли ячейку. Достал два полуимпери-

ала. Позвонил нумизмату. Нет дома. Идти к его конкуренту, это значит потерять оба источника сбыта. Утро. Семь тридцать. Звоню нумизмату. На месте. Обрадован, но нет денег. К двенадцати достал деньги. Продал два полуимпериала. Заплатил по счету в кафе.

– Мы так и знали, что вы честный человек, приходите еще, – сказали мне.

Остановился. До встречи в «Гранде» осталось полчаса. Пусть ждет. А что же с тобой-то случилось, лопух? Запомни, интеллект женщины обратно пропорционален ее внешности. Вчера ты от нее слышал хоть одну умную мысль? Ты не слышал ничего. Ты токовал как глухарь.

Еще раз вспомни, что говорил тебе дядя:

– Не доверяй женщинам.

Научись распознавать опасность, исходящую от женщины. Такую бросай, не раздумывая.

Если от женщины исходит добро, то такой женщине можно верить, потому что уже она, не раздумывая, бросится на твою защиту, хотя ты должен защищать ее. Запомни это.

Есть женщины, которых нужно защищать, и есть женщины, от которых нужно защищаться.

Почитай еще раз Дюма. Ты знаешь, что они делали со вторым типом женщин? Там, куда ты едешь, женщина тебе не нужна, она тебя утянет на дно в любом случае хоть от любви, хоть от злости.

Глава 16

Москва. Останкино. Почему я выбрал этот район? Я не сильно хорошо знаю Москву и ее окрестности. Просто это северная точка столицы. В старые времена здесь была деревенька. Называлась Осташково. Потом стало село и назвали его Останкино.

Говорят, что в этом районе жили люди, которые имеют какие-то сверхъестественные способности. Ведуны. Они-то смогут распознать, что я не из татей и просто помогут добраться до Москвы бедному страннику, неведомо как оказавшемуся в этих краях.

В районном почтовом отделении абонировал почтовый ящик сразу на пять лет. Недорого, удобно и ящик под прищмотром. Положил туда в конверте свой паспорт. Возвращаться все равно придется через Москву. Хотя особой уверенности в этом нет. Худо-бедно, но если придется доказывать свою личность, то вот ключик с номером на холщовой веревочке на шее и есть мой паспорт.

С собой холщовый мешок. В нем ряса, шапочка черная фланелевая, шапочка вязаная. Рубаха косоворотка, джемпер шерстяной, белье армейское хлопчатобумажное «старорежимное», нашел на барахолке, сапоги юфтевые, брюки-шаровары темные (с пуговицами, никаких «молний»), рукавички вязаные на всякий случай, шарф тоже на всякий случай.

Бутылочка с березовым дегтем сапоги смазывать. Буылка полулитровая с чернилами «Радуга». Таблетки чернильные. Нашел в комиссионке за сущие копейки. Хотели уже выбрасывать, а мне пригодилось. Нож самодельный универсальный в чехле из кожи. Можно хлеб резать, веток нарезать и для защиты пригодится. Спички в мешочке из прорезиненной ткани без коробков. Терки отдельно. Мешочек с пшеном. Мешочек с перловкой. Мешочек с солью крупной. Котелок медный с ручкой. Нашел на свалке. Никаких клейм производителя. Нашел случайно, как его бомжи проглядели, уму непостижимо. Ложка деревянная. На базаре специально искал, чтобы без росписи хохломской, а просто деревянная ложка. Нашел. Где-то с десятков крючков рыболовных разных, моток лески рыболовной. Таблетки. Аспирин, парацетамол, антибиотики. Стрептоцид в таблетках. Бальзам по Вишневскому. Йод в бутылочке. Ткань белая перевязочная. И главное – пишущий элемент: деревянная палочка, в которую вставляется перо. С перьями пришлось повозиться. Тогда еще не было металлических перьев. Писали либо свинцовыми карандашами, либо перьями гусиными заточенными. Опять же в конторе одной, которую сносить собирались, и попал как раз к ее переезду. Женщине одной пожалился, что для театра нужно ручку перьевую. Дала ручку и еще перьев темного цвета с десятков разных. В палочке сделал вырез, чтобы перо туда вставить, и чтобы видно его не было. Ниткой обмотал. Держится крепко и пи-

шет нормально. Компас маленький. Стрелка и синяя точка на кружочке – север. Лопатка складная. Можно копать. Пилку вставишь, можно пилить. Топорик вставишь – можно рубить. Вещь металлическая, удобная, но может использоваться и как оружие.

В письме старорусском тренировался долго по образцам документов, что в Интернете нашел. Буду писать с ошибками, пусть лучше посчитают неграмотным, чем назовут чернокнижником, да и поступят так, как с ними поступали. А уж не шибко добр был народ в то время.

Приехал я в Останкино. Везде народ. Уединиться негде. Зашел в сквер. Присел на скамеечку оглядеть. Подходят две девчушки:

– Дяденька, развлечься не желаете?

– Я вам сейчас развлекусь! – не успел я достать брючный ремень, как девчонки заверещали. Смотрю, двое парней идут.

– Ты, козел, чего к нашим девчонкам пристаешь? – завели обычную пластинку «про чебурашку». – Не видишь, что они несовершеннолетние? Ну-ка, выворачивай карманы для возмещения морального ущерба.

Ух, и вызверился я. Честно говоря, неужели власти об этом не знают? Милиция не знает? Все знают, да не хотят заниматься этим или крышуют этих грабителей. Педофилы распоясались, малолетние проститутки с сутенерами ходят, деньги вышибают. Выпороть бы всех, начиная от околоточ-

ного надзирателя и кончая приставом, враз бы порядок навели. Уж они эту шантрапу знают. Если со злом не бороться, то толку никакого не будет. Поймали чиновника со шлюхой и не чиновник он более и никогда им не будет. Пользование женщинами легкого поведения расценивать как сексуальную эксплуатацию. Было бы желание бороться, а то этого желания и не видно вообще ни у кого, особенно у власть предержащих.

Сунул я руку в мешок свой и ножичек достал. Его и ножичком назвать можно, и кинжалом тоже. Без украшений, кусок легированной стали, хлеботор, но большой. Вид мой ничего хорошего не предвещал, и парни убрались. Сейчас нужно городского ждать. Ага, замаячил на горизонте. Единство государства и народа. Похоже, что во все времена так было. Везде мундиры голубые, под синим зонтиком народ.

С 1651 года прошло 357 лет. Три с половиной оборота налево при нажатом зеленом камушке.

Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, и от сутенерской крыши тоже ушел... И в глазах сразу потемнело.

Глава 17

Очнулся я в лесу. В середине куста лещины. Кое-как выбрался из него. Прислушался. Тишина. Звонящая тишина. Вы когда-нибудь слышали звонящую тишину? Вряд ли. Все равно, но есть какой-то звук: то ли самолет пролетит, то ли где-то поезд прогудит, то ли где-то высоковольтная линия потрескивает или город шумит, как дальнее море рокочет. А сейчас меня окружала тишина. И лес.

Где нахожусь, представляю очень смутно. По наитию. Определился по сторонам горизонта. Сначала по приметам. Мхи с северной стороны. Проверил компасом – почти точно. Мне нужно идти на юго-юго-запад. Встретится деревня или не встретится, но километров примерно через десять или даже меньше я должен быть в Москве. По самым элементарным правилам мне нужно осмотреться. Выбрал самую высокую сосну и залез. У сосны хрупкие ветки, поэтому нужно соблюдать осторожность. Все правила знаю, а ведь чуть не сверзнулся с довольно приличной высоты, понадеялся на толщину ветви. Тут уж надо ближе к стволу держаться.

Смотрел вокруг и думал, чего же я бинокль с собой не взял. Ага, еще артиллерийскую стереотрубу или лазерный дальномер. Думать головой надо. Появиться с современной техникой, это все равно, что в кипящую смолу сразу прыгнуть. Одни спички чего стоят. Люди кресалом искру высе-

кают на трут, а тут пришел молодец, ширк – и огонь горит. Колдун – и бывай здоров. Хотя, на западе уже начали создавать что-то вроде подзорных труб, но забегать вперед не надо, быстро укорот сделают знающие люди.

Вроде бы где-то в стороне какой-то дымок есть. А, может, то разбойники добычу делят да похлебку себе готовят. А вот в том направлении, куда я иду, в дымке сизой что-то вроде бы виднеется, да испарения от земли все смазывают и не понятно, что это такое.

Не такая уж и большая Москва того времени, но все равно не промахнешься, других городов поблизости нет. Дорог никаких не видел, зато заприметил кое-где поляны большие. Лес смешанный, вот так и пойду от поляны к поляне, периодически высматривая себе путь. Дороги всегда куда-нибудь да приведут. Да ведь только не один ты по дороге пойдешь, не все люди хорошие, постоянно нужно ухо остро держать. Смутное время еще не кончилось, лихие люди не перевелись, а береженого и Бог бережет.

Иду я по лесу и вдруг вижу один гриб, а вот там другой, третий. Крепкие такие подберезовики стоят. Этого не может быть. Ведь только начало лета, а грибы появляются не ранее как во второй половине июля и то при хорошей погоде, теплой и с регулярными дождиками. Набрал я грибов достаточно для варки, а воды-то и нет. И сразу есть захотелось. Продукты есть, а приготовить их не с чем.

Говорил мне один старый охотник, в полдень, в самую жа-

ру осмотришься – птицы тебе покажут, где есть вода. Снова пришлось на дерево залазить. Нет ни одной птицы поблизости. Нет, вот там, вдали через одну полянку, какие-то черные точки кружатся. Может, падаль там, а, может, и вода.

Пока шел в то место, и грибы скукожились, выбросил их. Километра три прошел. А идти по лесу, это тебе не по аллейке гулять, красотами природы любуясь и радуясь, до чего же хорошо. Я уже и одежду кое-где порвал, хорошо, что не та, которую я подготовил, а еще та, «цивильная». И жарко, в животе бурчит, злость какая-то за беспомощность свою от незнания обстановки и тревога за то, а что там впереди меня ждет.

Иду и вдруг на краю полянки вспугнул одну птицу. Улетела. Затем другая. Присмотрелся. Никаких гнезд в траве не увидел. Зато увидел небольшие «зеркальца» водички, из которых птицы и пили воду. Значит, где-то рядом есть ручеек и начало его – родничок. И действительно, метрах в пяти от опушки оказалась небольшая низинка, в которой журчал ручеек, и в месте этом была приятная прохлада.

Напился студеной воды и сразу настроение улучшилось. Закурил сигарету и вообще хорошо стало. На опушке насобирал грибов. Ополоснул котелок и промыл перловку. Собрал веток сухих. Нашел рогатинку и крючок. Быстро развел костер. С одной спички любой нормальный человек должен уметь развести огонь. Сначала делаешь «зажигательные палочки». Берешь веточку и ножиком делаешь «юбочку»

из стружки, сантиметрах в трех еще одну, еще одну. Каждая веточка становится похожа елочку – «веточки» в разные стороны. Складываешь их одна на одну поперек и подносишь спичку. Костер готов. Потом берешь сухие ветки и кладешь их в огонь крест-накрест. И пламя горит жарко, и дыма почти нет.

Быстро промыл крупу в проточной воде, пока не перестала идти мутная вода от крупы. Около костерка воткнул рогатинку. На нее положил длинную палку, конец которой прижал к земле деревянным крючком – та же рогатинка, только в обратную сторону. На свободный конец палки повесил котелок над костром. Быстро и удобно. Вода закипела быстро, как на газовой плитке. Пошел, помыл грибы, очистил их, нарезал и в подоле рубахи принес к костру. Положил в котелок, а они аж горкой над котелком. Ну, пожадничал. Нет. Быстро уварились и, может, грибков-то нужно было поболее. Посолил варево мое и сдвинул с большого огня, пусть потомится.

Кушанье получилось отменное. Каша с грибами и в лесу. Никогда бы не подумал, что целый котелок каши съем. Съел. Быстро помыл котелок, чтобы потом не возиться, оттирая застывшую еду. Прошелся по котелку илом с песочком из ручья и засиял мой котелок как солнце. Ему приятно и мне хорошо.

Закурил сигаретку и прилег отдохнуть у догорающего костерка. Бросил окурочек в костер, и навалилась на меня послеобеденная дрема. Никто меня никуда не торопит. День мой

никто не нормировал, как и жизнь мою. Положил я вещь мешок под голову и уснул.

Снится мне, что плыву я по морю. Корабль наш качает на крутых волнах. Капитан приказал всем привязаться к койкам, чтобы не свалило на пол, неудобно, но как будто и качка прекратилась. А я ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу. Кричу беззвучно:

– Шторм кончился, отвяжите меня, – а вокруг голоса, – а это мы тебя поймали, лежи и не дергайся.

Я дернулся и действительно не могу пошевелиться.

Открыв глаза, я увидел усатую физиономию, которая дыхла на меня чем-то неприятным и сказала:

– Что, кумэ, прийихали?

Глава 18

Около меня стояли пять человек. В причудливых одеждах и с кривыми саблями на боку. Шестой с лошадьми стоял поодаль. Неужто все еще поляцкие банды под Москвой бродят? Вот и я одной в руки попался. Вероятно, варево их привлекло. По одежде-то не разберешь, кто они, может и украинцы, а, может, запорожцы. Вообще-то, похожи на казаков, как их на старинных гравюрах малюют. А, может, и те, и другие. Один из них проворно рылся в моем мешке.

Чуть привстав, я крикнул:

– Эй, ты, козолуп херов, не замай чужие шмотки.

Казаки загоготали:

– Тю, та це ж москаль. Слухай, Козолуп, а тебя и на москальщине многие знают.

Козолуп с красной рожей подошел ко мне и замахнулся ногой, но старшой остановил его:

– Козолуп ты и есть козолуп, ничего в тебе лыцарского нет. Не замай. До батьки свезем. Ему сейчас москали до зарезу треба. А у этого и говор-то господский. Как бы еще хуже не было, если мы ему чего-то сделаем.

Я лежал и матерился про себя, на чем свет стоит. Как я попал сюда? Как матрос Железняк, что шел на Одессу, а вышел к Херсону. Действительно, у кольца есть аномалия. Второе. Как я не успел переодеться? Югославский костюмчик,

чешские полуботинки, рубашка «Goleaf», в кармане пачка «Marlboro» и газовая зажигалка. А на руке электронные часы «Nokia». Все это я должен был снять, закопать и переодеться в купленную рясу. Весь план насмарку. Хотя, кто его знает?

– Гляньте, панове, як странно одет цей суб'єкт. Похоже, что из франков или из инглизов. Они там по-всякому одеваются, даже чулки бабские носят с такими же башмаками. Кисель, клади его к себе व्यюком и повезем.

Ехали часа два шагом.

Въехали в какое-то село. Хаты-мазанки белые. Кое-где на стенах цветы или петухи нарисованы. Дома огорожены плетнями. Ни дать, ни взять деревенька из какой-нибудь повести Гоголя. Сейчас появится кузнец Вакула с мешками, а из трубы на метле вылетит Одарка, сверкая белозубой улыбкой.

Подъехали к большой хате. У коновязи с десятков коней. Рядом казак прогуливается. Втащили в горницу. Темно. Поставили перед большим столом, за которым сидело с десятков каких-то людей. Только меня отпустили, я как куль упал. Меня поставят, а я падаю. Руки-ноги затекли. Развязали меня. Стал растирать затекшие руки, аж всего по телу как иголками тыкать начали. Боль несусветная. Потом проходить стало. Кое-как встал на ноги.

– Кто таков? – чернявый мужик азиатской наружности с длинными черными усами и с большой металлической рюмкой в руке грозно смотрел меня.

– Никто, – отвечаю я, – иду сам по себе, никого не трогаю, на дороге не мешаюсь, а меня схватили и сюда притащили.

– Не глумись, отвечай пану гетману, как на духу, – приведший казак стукнул меня кулаком по шее.

Ну, не люблю я, когда меня бьют. Как я стукнул его левым локтем в грудь, а потом, равернувшись, кулаком по физиономии куда-то в район носа. Охнув, казак упал. Ко мне бросились несколько человек, но тот, кого называли гетманом, рукой остановил их.

– Хочешь показать, что благородных кровей? – спросил он. – А сам-то ты откуда? И чего здесь делаешь в такой одежде.

– Иду я из московских земель, при монастыре читать-писать научился, потом в земли заморские попал обманом, сейчас вот домой иду обратно. А одежда на мне такая, какую простые франки в дорогу или для работы надевают.

– Да, простых франков мне видеть не приходилось, а во Франции побывать довелось – сказал гетман. – А вот мы тебя сейчас проверим, насколько ты в грамоте понимаешь. А ну, садись сюда, – показал на край лавки. – Эй, принесите сюда мой ларец.

Принесли деревянную шкатулку.

– Ну-ка, почитай вот это, – и гетман передал мне свернутую в трубочку бумагу.

Это было письмо на французском языке, но на старом французском языке, хотя французский язык он и в Афри-

ке французский язык. В письме было написано, что граф де Брежи свидетельствует свое почтение генеральному писарю реестрового казачества Зиновию-Богдану Хмельницкому, с которым вместе принимал участие в переговорах по поводу служения казаков во французском войске. Граф извещает господина генерального писаря о своем назначении посланником Франции при польском дворе и имеет надежду на продолжение знакомства с ясновельможным паном Хмельницким. Подписано в феврале года 1646 от Рождества Христова в Париже.

Я перевел.

– Все точно. Мне писано, – сказал гетман, – а ну-ка, налейте пану чару медовухи, пусть посидит с нами, зальет тоску нашу.

Я выпил, поел курятины. Спросил сидевшего рядом казака:

– Пан, а где это я? И какое ныне число?

Казак посмотрел на меня осоловелыми глазами, но довольно твердо ответил:

– Мы сейчас в местечке Паволочь и сегодня с утра было число осьмнадцатое седьмого месяца года 1651 от Христова Рождества. А это пан гетман Хмельницкий празднует свое вызволение из татарского полона. Выкупили мы пана гетмана. Ох, и отольются татарам эти денежки, пан.

Да, стрельнуло меня в сторону. Из Москвы в Москву должен был попасть, а попал на Украину за тысячи верст. Что-то

с кольцом происходит. Как будто мне приходится огибать какую-то преграду или препятствие и меня отбрасывает в сторону. Интересно, знал ли мой дядя историю происхождения кольца. Может, это истинный владелец кольца пытается связаться со мной, и мы одновременно перемещаемся, отталкиваясь друг от друга в полете по времени?

А в это время раздался раздраженный голос Хмельницкого:

– Да что мне Москва? Я к Москве со всем сердцем, а что я от нее получил? Одни обещания, которые как насмешку и расценивать нельзя. Берете меня под свою руку или нет? Да? Да. Нет? Нет. Если они будут так ко мне относиться, то соберу войско и пойду разорю эту Московию, как я это делал с Польшей. А, ну, отойди все от меня – порублю!

Совершенно не странно было слышать это от гетмана, находившегося на польской службе. Ладно, завтра постараюсь узнать, что все-таки происходит. Не вдавался я в историю украинско-русских отношений, да придется вдаваться.

Я волей случая оказался за столом украинской старшины. Попросил сидевшего рядом старшину, чтоб приказал принести мой мешок с вещами и определить меня куда-то на постой.

Казак крикнул:

– Пан сотник!

Явился старший группы, схватившей меня.

– Пан сотник, определи-ка пана с собой рядом на постой,

да посмотри, чтобы хлопцы его вещи не попотрошили.

– Слухаю, пане полковнику. Пойдемте со мной, пан.

Глава 19

По дороге сотник сказал:

– Я прошу вас обращаться ко мне просто пан сотенный, чтобы не порушить авторитета моего перед казаками. Так-то меня Ондрием кличут по прозвищу Кулик, но мы на службе находимся, да и после службы я над своими людьми начальник. А я вас буду кликать пан писарь, поскольку вы человек грамотный и в заморских языках разумеете. Боюсь я, как бы пан генеральный писарь ревностью к вам не выиграл, так перед очами пана гетмана не мельтешите, пока он вас к себе не призовет, а у меня вы будете под защитой. Хоть и удивляюсь я, как вы Василька с ног сбили, как будто нехотя, а верзила кулем на пол упал.

– А что бы вы сделали, пан сотник, если бы вас ударили как меня по шее? – спросил я.

– Ух, я бы так дал сдачи, – сотник засмеялся и сказал, – вот мы и пришли. Я здесь появляюсь не часто, это дом моих родичей, но они все на войне сгинули, а хозяйкой здесь вдова моего брата, Дарья. Не забижай ее. Да, вот еще, табакокуров не любит пуще крымчаков. Так что в доме не кури. Скажи на милость, что это за странное оружие нашли в твоём мешке?

– Да это и не оружие вовсе, хотя может стать и оружием. В немецкой земле сделано, там знатные мастера по же-

лезу. Вот смотри. Прикручиваю эту пластинку и получилась лопата. Как говорят немцы – шанцевый инструмент. Сносу нет. Хоть огород копай, хоть яму какую. Вот это топорик, тоже прикручивается. А это пила. Хочу сделать вам подарок в знак нашей дружбы. Пусть это будет у вас, в ратном деле пригодится.

– Дякую, пане, знатный подарок. Вы мешок свой посмотрите, не пропало ли чего, – предложил сотник.

Посмотрел я в мешок, крупа пропала, соль, котелок и ложка, да и Бог с ними, зато остальное все на месте, особенно чернила и ручка.

– Все цело, пан сотник, казаки люди честные, – сообщил я своему провожатому.

Я достал из пачки сигарету, прикурил от зажигалки и предложил сигарету сотнику.

– Та, ни, спасибо, я люльку покурю, – сказал он, но сигарету взял, прикурил от зажигалки и, глядя на меня, глубоко затянулся. – Знатное кресало иноземцы делают, у нас пока искру вышибешь на трут, да пока раздуешь его, и курить расхочется. А тютюн слабоват по сравнению с турецким, но горло не дерет и курится приятно. У нас такой тютюн не курят, а люльку я вам спроворю вишневую, всем люлькам люлька будет. Ну что, пойдемте до хаты.

Войдя в хату, я перекрестился на красный угол и тут почувствовал на груди холодок от ключика почтового ящичке. О кресте я как-то не подумал.

– Пане сотник, крестик куда-то с шеи делся, – трагическим голосом произнес я.

– Не волнуйтесь пан, завтра ходим в церкву, там подберете себе освященный, – успокоил меня хозяин.

Хозяйка, молодуха лет тридцати, стояла и прыскала в кулак, глядя на мое одеяние.

– Вот, Дарья, – сказал сотник золовке, – привел жильца нового, знакомец самого пана гетмана, писарь. Жить пока здесь будет. Собери нам чего-нибудь повечерять.

Пужинали овощами с хлебом. Еще раз покурили на крыльце, и пошли спать. Спать нам постелили на полатах, а хозяйка спала на деревянной лежанке в горнице.

Проснулся я часов в восемь утра. В доме никого не было. На столе стоял керамический бокал, а если точнее, то глиняный стакан с молоком, накрытый куском хлеба.

Я ополоснул лицо в рукомойнике в уголке, вытерся обыкновенным рушником и съел хлеб, запивая его молоком.

Спокойно переоделся в приготовленную заранее одежду, сапоги и сверху надел рясу, подпоясав ее витым шнурком. Судя по рисункам, писаря и бурсаки носили на поясах медные чернильницы. А у меня такой нет. Ничего, разживусь, зато чернила есть. Часы с руки снял и положил в карман брюк. Часы нужны, пока не научился на глазок или по солнцу время определять.

Вышел я во двор и увидел хозяйку, которая пропалывала огород.

– Доброго ранку, хозяйюшка, – приветствовал я ее.

– Доброго, да уже не ранку, все уже дела свои передела-
ли, – улыбнулась она. – А вы, пан писарь, у иноземцев спать
выучились? Ондрийко сказал, чтобы вы никуда не ходили
и ждали его. Он придет после полудня. А вы вот на скамееч-
ке здесь посидите, солнышку утреннему порадуйтесь. В нор-
мальной-то одежде вы как нормальный человек выглядите.
Можете подымить своим тютюном. В доме дым пахнет пога-
но, а на улице все едино.

Я закурил, в пачке оставалось еще две сигареты. Вероятно,
придется обзаводиться трубкой или бросать курить. Гово-
рят, что на Руси, царь Алексей Михайлович, хоть и зовут
его «Тишайшим», а приказывает плетью пороть того, кто
зелье заморское курит.

Кто-то постучал палкой по калитке.

– Дарья, пан писарь уже проснулся? – раздался чей-то го-
лос.

– Да вот он сидит на скамеечке. Если дело есть, то ему
и говорите, – сказала женщина.

– Доброго здоровьичка, пане писарь, с делом до вас при-
шли, – поклонился мне мужчина.

– Что за дело? – спросил я.

– Да вот написать прошение до пана гетмана о том, чтобы
сыночка нашего в киевскую семинарию приняли, – сказал
проситель.

– Дарья, скажите, пожалуйста, где лучше народ прини-

мать? – спросил я хозяйку.

– А вот я вам сейчас столик маленький вынесу. Погода хорошая, здесь и принимайте, – сказала Дарья.

Я помог ей вынести столик на улицу. Взял бутыль с чернилами и попросил чего-нибудь, чтобы сделать чернильницу.

В хозяйстве нашлась и глиняная скляночка, в которую раньше наливали масло для освещения, а сейчас она была сухая и чистая. Писарь-то я был аховый – у меня даже бумаги своей не было. Но люди стали идти со своей бумагой. Боже, что я только не писал. Писал так, как я представлял должно быть составлено прошение. Писал крупными буквами и быстро. Роль секретаря выполняла Дарья. Наконец, она прекратила прием, сказав, что пану писарю треба отдохнуть и пообедать.

– Вот, пан писарь, ваше заработанное, – сказала Дарья и показала горсть медяков, принесенные яйца, овощи, хлеб, молоко.

– Прибери все это, Дарья, ты хозяйка и давай распоряжайся всем, – сказал я.

Зардевшаяся Дарья убрала продукты и спрятала деньги.

Вскоре пришел пан сотник.

– Ну, пан писарь, – сказал Ондрий, – слава о вас пошла дальше нашего местечка. Говорят, что вы и человек обходительный, пишете чисто и сразу понимаете, что просителю требуется. И все, кто бумагу читают, те сразу понимают, что требуется. Вот что значит грамотным быть. Читать-то я

умею, а вот пишу как курица лапой. Если пан писарь не откажется, то нижайше прошу и меня поучить письму.

– А можно и мне? – покраснев, спросила Дарья.

– А тебе-то зачем? – удивился сотник. – У тебя хозяйства столько, дай Бог с ним за день управиться. Баба книгами не прокормится.

Глава 20

Вечерами я стал заниматься моими хозяевами. У сотника дела шли трудновато, почерк был корявый, но мужик он упорный и писать будет почище всякого писаря без завитушек и крючков, а нормальным русским языком.

– Пан сотник, а на каком языке вы разговариваете? – спросил я.

– Как на каком, на русском, – удивился Ондрий. – Мы же русские, а не кто-нибудь.

– Почему в языке вашем столько польских слов, что порой задаешься вопросом, а не по-польски ли вы говорите, – спросил я.

– Мы, пан писарь, долго были под польской пятой, – сказал сотник, – что хочешь-не хочешь, а все равно отдельные слова из чуждого языка примешь, если те, кто паны, не воспринимают наши русские слова. От всей Руси только что и осталась наша южная Украина, окраина то есть. Даже Киев, мать городов русских, и тот у поляков находится.

Дарья оказалась настолько смышленной, что где-то уже через неделю начала читать молитвенник.

– Пане писарь, а почему в том языке, что вы меня учите, меньше букв, чем в молитвеннике? – спросила она.

– Молитвенник писан на старорусском языке, – объяснил я, – а там есть буквы, которые усложняют язык общения.

Они скоро отомрут и останутся только в молитвенниках, потому что отцы церкви будут держаться за этот язык, говоря, что таким языком говорили ученики Иисуса нашего Христа. Ученики ходили в простых холщовых хламидах, и нам прикажете хламиды одеть, особенно зимою?

— Ой, свят, свят, свят, да что же это вы, пане писарь, так богохульствуете? — начала мелко креститься женщина. — Недаром люди говорят, что бурсаки все от церкви отворачиваются, будто бы им черт родным братом приходится.

— А не хочешь ли, Дарья, пощупать, може хвост у меня есть? — засмеялся я.

— Вот уж не думала, пане писарь, что вы такой охальник, — засмушалась она и быстро убежала на улицу, чтобы сообщить, что пан писарь сейчас начнет прием посетителей.

Работы писарской было неспорно. То принесли заказ из гетманской канцелярии писать приглашения на свадьбу гетмана. Гетман женился в третий раз. Поговаривали, что вторую жену убил сын гетмана Тимофей, а молва говорила, что гетман сам ее казнил за прелюбодеяние с домовым казначеем, которого еще во Львове пригласил сам гетман.

Писарское дело доходное, но и всему хорошему часто приходит конец. В августе месяце польские войска вступили на Украину и начали войну. Польская жестокость натолкнулась на такую же жестокость казаков. Польские цивилизаторы как будто учились прямо у римского императора Нерона расправам с христианами, и казацкие отряды копировали

поляков: сдерут кожу с живого казака, точно так же ловят поляка и сдирают с него с живого кожу.

Паволочь пришлось оставить. Заняли его польские войска, и в Паволочи умер польский военачальник Иеремия Вишневецкий.

13 августа произошла жестокая битва у местечка Трилисы. Поляки взяли это местечко только после того, как погиб последний казак сотника Александренка и когда у женщин иссякли силы воевать с поляками. Жестокость, с какой поляки расправлялись с населением казачьих хуторов, просто поражает. Фашисты какие-то, это я уже с современной точки зрения говорю.

А тут еще с севера на казаков навалились войска литовского князя Радзивилла. Литовцы заняли Чернигов, Киев, а потом соединились с польскими войсками под Белой Церковью, где и стоял со своим войском Хмельницкий.

Положение казаков было отчаянное. Хмельницкий предложил мир. И поляки с литовцами согласились. Унизительный это был мир. Казакам отдавали только Киевское воеводство. Казаки даже хотели захватить польских парламентаров и казнить их, но Хмельницкий был тверд, а тут началась холера, которая поразила польское войско и казаков. Дарью и ее родственника я спас только тем, что заставлял постоянно мыть руки щелоком, пить только кипяченую воду и тщательно промывать все овощи.

После поражения многие казаки стали переселяться в юж-

ные степи Московского государства, сжигая свои дома и прочее хозяйство. Переселилась туда и Дарья, обещая писать и никогда не забывать пана писаря, которого она будет ждать сколько угодно времени.

А меня призвали к канцелярии гетмана Хмельницкого для исполнения писарских обязанностей и разборки иноземной почты.

Весной 1652 года снова началось народное восстание, которое поляки разбили, а Хмельницкому пришлось казнить зачинщиков этого восстания Гладкого, Хмелецкого и Мозыря.

В конце года казакам представилась возможность во взаимодействии с ордой Карача-мурзы схватиться с польским войском Калиновского и разбить его наголову.

Почти через год меня вызвали к гетману.

– Знаю, знаю о твоих успехах, – сказал Хмельницкий. – Пишешь толково и ясно. Саблей владеешь как заправский казак, видел тебя в деле и речей агитационных против меня не ведешь, а наоборот поддерживаешь, говоря, что я есть спаситель Украины. Лестно это слышать от пришельца, о котором мы и сейчас ничего не знаем. Вот ты мне скажи, почему царь русский не берет меня под свою руку? Ведь мы же не чужие. Мы такие же русские и род свой ведем от князя Владимира. Вера у нас православная, никакую унию мы не подписывали и веру отцов не предавали. Неужели царю Алексею не нужно земель новых и верных подданных? Го-

вори, как на духу без всякого политеса иноземного.

– Как будет угодно вельможному пану, – сказал я. – Первое. Если Московский царь примет гетмана с казаками под свою руку, то ему придется воевать с Польшей и Литвой. А это не входит в планы Московского царя. Второе. Царю нужны верные и постоянные подданные. А вы проситесь в подданные только в трудное для вас время. Наступит для вас хорошее время, станете требовать от царя свободы, перестав быть хорошими подданными, и будете говорить, что были вынуждены просить заступничества Великого царя. Так нужны ли царю такие подданные? Есть такие поговорки, которые ходят на Украине и в России: не было у бабы забот, так купила себе поросю. Или: баба с возу – кобыле легче. Вот царь Московский и размышляет, какие же задумки у гетмана Богдана-Зиновия Хмельницкого.

– Не Богдана-Зиновия, а Зиновия-Богдана, – поправил меня гетман. – А ты злючий, пан писарь. А не думаешь ли ты, что за такие слова я тебя прикажу батогам бить или всыпать тебе плетей горячих? Ты кто такой, чтобы мне такие возмутительные речи говорить? Ты знаешь кто я такой? Я – Хмельницкий, меня сам король Польский боится. А кто-то без роду и племени, неизвестно откуда пришедший такие речи говорит. Да ни один старшина такое мне сказать не мог. Если поразмыслить глубоко, то ты сказал правду. Далеко глядишь, писарь. Русский царь всю Украину под себя возьмет, и свои законы там установит. И не дай Бог эти за-

коны нарушить. У царя разговор короткий. Но вместе с нами под руку русского царя войдут и униаты, змеи подколенные, которые затаятся и будут ждать своего часа, чтобы нож вонзить в сердце России в трудный для нее час. Я свой народ знаю. Мы еще будем верны русскому царю, а вот за потомков своих я ручаться не буду. Униатчина зараза опасная и проникает глубоко. Нужен мне человек из москалей, который довел бы до доверенных людей царя то, что ты сказал, но еще и подтвердил, что Хмельницкий и его казаки будут верны все время, какое мы будем живы и что земли русские должны быть в России, а не под польской пятой. Поедешь ты, пан писарь, как мой конфиденциал с отдельным поручением. Иди, готовься. И о разговоре нашем никому. Учти, я от всего отопрусь, а доносчику первый кнут. Завтра универсал о посольстве будет подписан.

Глава 21

Зимой 1653 года посольство гетмана Хмельницкого прибыло в Москву. Был в составе посольства и отец Владимир, черный монах и писарь.

Перед Москвой обоз встретил дьяк Посольского приказа и сопровождал к дому, где разместилось посольство в противоположной стороне от Иноземной слободы.

За два года, проведенные на Украине, я стал почти своим во всех отношениях, и даже язык мой приобрел малоросский акцент.

Посольский приказ в то время возглавлял многоопытный думный дьяк Волошенинов Михаил Дмитриевич, а странами Европы, в том числе и Украины (сейчас это второй департамент стран СНГ МИД РФ) заведовал дьяк Михаил Федоров, человек близкий к своему начальнику. С ним я и решил установить более близкое знакомство, чтобы информация моя дошла до думного дьяка и была передана при докладе государю, потому что вопрос Украины не являлся второстепенным. Для начала я подарил ему лядунку с кусочком дерева от креста, на котором был распят Спаситель и сказал, что верю в то, что в самое ближайшее время Украина будет частью России, о чем я перед отъездом говорил и пану гетману Хмельницкому.

— А на чем основана ваша уверенность, отец Владимир? —

спросил меня дьяк.

– Московское царство не может бросить часть Руси и мать городов русских – Киев, – сказал я.

– Хороший тезис для того, чтобы узнать намерение Москвы в отношении Украины и одновременно и Польши. Вы лучше скажите, как Украина воспользуется этой информацией? – спросил дьяк. – Отдастся полностью Польше или будет расширять масштабы антипольского восстания?

– Опять же все будет зависеть от решения Москвы, – сказал я. – Если Москва желает получить единый польско-литовский фронт, направленный против нее, то она не будет торопиться к решению вопроса Украины.

– Польско-литовский, как вы сказали – фронт – будет и так, примет ли наш государь Украину под свою руку или не примет, – сказал Федоров. – Не станет ли Украина «троянским конем», опрометчиво запущенным в Россию? Я вас не хочу обидеть, но действительность такова, как я об этом говорю.

– Что вы, пан дьяк, вы совершенно правы и рассуждаете государственно, – согласился я. Согласие всегда ведет к прогрессу в переговорах. – Любой государь должен быть осмотрителен при принятии очень важных решений. «Троянским конем» будет униатская церковь, которая исподволь будет вести работу на раскол союза и Украины, а весь народ и свое спасение видит только в России.

– А как же казацкая старшина? – спросил дьяк. – Будет ли

она верна этому союзу?

– Вся казачья старшина – это котел с чертями, – рассмеялся я. – Царю московскому нужно иметь своих конфиден- тов на Украине и верить их докладам при назначении стар- шины. И старшина должна быть такая, как в России – без са- мостийности. Самостийники предадут сразу, как только по- чувствуют нового хозяина и предадутся ему сразу.

– А как сам вельможный гетман Хмельницкий? – вкрад- чиво спросил Федоров.

– Он-то как раз тот гетман, который верой и правдой будет служить интересам России и Украины, – твердо сказал я.

– И он разделяет ваше мнение в отношении в отношении униатов-раскольников и старшины? – с некоторым сомнени- ем спросил дьяк.

– Скажем так, что и он думает так же, – сказал я.

– А откуда вы это знаете? – Федоров пытливо смотрел на меня.

– Скажем так, что я конфиден- т гетмана и моя задача по- казать искренность его намерений, – сообщил я.

– А не хотите ли стать царским конфиден- том на Украи- не? – сделал встречное предложение приказной дьяк. – Кому попало, мы такие предложения не делаем.

– Предложение хорошее, только мне нужно будет писар- ское одеяние сменить на одеяние служилого человека, – ска- зал я.

– За этим дело не станет – успокоил меня дьяк. – А что

вы думаете по такому вопросу: долго ли продержится союз Москвы с Украиной, хотя если взглянуть со стороны, то мы два одинаковых народа.

– Это если только со стороны поглядеть, – сказал я. – Но нужно учитывать польское влияние на русских на Украине. У них даже другой язык, с русской основой, но с чужеземными включениями. Если честно говорить, то это искусственный язык, который создали специально, чтобы разединить русских посредством языка.

– А вот у вас интересный русский язык, – сказал Федоров. – Какой-то новый, четкий и понятный, и ни одного старославянского слова. Вы где-то учились?

– Учился, но далеко и по другой программе, – ушел я от конкретного ответа. – Пан дьяк, а нельзя ли почитать что-нибудь по украинскому вопросу? Я человек молодой, а на той стороне у всех совершенно разное толкование, как Русь стала Украиной.

– Если вас интересует этот вопрос, то я попробую подобрать для вас книги, а уж вы сами делаете выводы, – сказал дьяк. – Вы уполномочены передать пану гетману конфиденциальное письмо, минуя главу вашего посольства?

– Да, – сказал я.

Глава 22

В то время, как наше посольство находилось в Москве, царем Московским в Польшу был послан боярин Репнин-Оболенский, чтобы примирить поляков с Хмельницким. Но все было тщетно. Польша вознамерилась покончить с Хмельницким и его казаками, заключив союз с крымскими татарами, которым было все равно с кем заключать союз, лишь бы иметь солидный бакшиш или держать сторону сильного. На тот момент Польша казалось сильною.

А мне дьяк, как и обещал, прислал интересующие меня книги.

Кое-какие пометки для себя я сделал.

История со времен князя Владимира известна нашим современникам как история междоусобицы, братоубийства, коварства и активного участия соседей, желающих половить рыбки в мутной воде российской истории. Все легенды о том, как княгиня Ольга отомстила за смерть своего мужа, показывали на то, что не было у русских жалости к себе и не хотели русские идти на компромисс с русскими. Русские бились с русскими. Русские грабили русских и не нужно было врагов русским, потому что они сами были себе врагами.

В 1015 году умер князь Владимир, сделав своих сыновей наместниками в Новгороде, Полоцке, Турове, Ростове, Муроме, Владимире Волынском, Тмутаракани.

1015—1025 гг. – междоусобные войны между сыновьями Владимира.

1026 год – раздел земли русской по Днепру.

1054 год – раздел Ярославом Мудрым земли между своими сыновьями – наместники в Киеве, Чернигове, Переяславле, Владимире, Смоленске.

1169 год – взятие Киева князем Андреем Боголюбским и перенесение центра Руси из Киева во Владимир.

В 1223 году татары впервые победили разобщенных русских князей на реке Калке и устроили пир на помосте, основанием которому служили живые тела побежденных. После этого татары поодиночке стали побеждать всех князей, а было их ни много и ни мало, а семьдесят человек, и каждый со своими владениями, и каждый со своими дружинами.

1240 год – взятие монголо-татарами Киева.

Русских князей татары сделали своими наместниками над русским народом, переписали все население и установили дань, которую русские князья и выбивали для татар. Правильно говорят: не хочешь защитить землю свою, будешь кормить своего завоевателя.

Каждый князь русский был князем только по воле татар и носил ярлык татарский на княжение. Князья предавали друг друга за ярлык и уничтожали роды княжеские.

Кроме татар князья искали покровителей и на стороне. А на них нападали князья литовские, польские, венгерские, рыцари тевтонские, завлекая верой католическою и помо-

щью папы римского.

Из всей Руси сильным осталось только княжество Московское, потому что князю Московскому татары поручили собирать дань со всех князей и приводить к покорности других князей.

Князья московские стали приводить к покорности ближних князей, а потом даже замахнулись и на своих благодетелей – татар. Послали татары царевича Арапшу, и побил Арапша русских на речке Пьяне.

В 1380 году князь Дмитрий Иванович, впоследствии Донской, разбил татар на Куликовом поле. А после этого хан Тохтамыш разбил русских и сжег Москву. А в 1480 году после стояния на реке Угре разбежались в страхе в разные стороны татары и русские, и каждый думал, что их победили. И вот в царствование князя московского Иоанна Васильевича Третьего закончилось монголо-татарское иго, продолжавшееся 240 лет.

И Россия нынешняя только по левую сторону Днепра, как князья поделили землю русскую в 1026 году.

Получается так, что завоеванная татарами Русь все равно осталась Русью со своей верой, со своими обычаями, была данником Золотой Орды, но смогла окрепнуть, освободиться от вассальной зависимости и стать могущественным государством. Насколько люты были монголо-татары, но настолько они были и мудры, оставив в завоеванных странах все, как есть, надеясь на свое тысячелетнее могущество

и прекрасно понимая, что разоренные страны будут врагами и никчемными данниками, с которых много и не возьмешь.

Возможно, что монголо-татарам нужно сказать спасибо за то, что они помогли нам исправить роковую ошибку князя Владимира, разделившего русские земли. Монголо-татары создали условия для сплочения русских княжеств в единое царство под сильной рукой Московского государя.

Русские княжества, оставшиеся на правом берегу Днепра, были завоеваны сильными польским и литовским государствами, которые поставили их положение людей второго сорта, насаждая среди русских чуждую веру и язык.

Прежняя Киевская Русь исчезла в XIV веке. Литва завоевала Черную Русь – западную часть Руси в районе нынешнего Гродно. Затем подчинила города Полоцк, Минск, Витебск, Восточную Волынь, Киев и другие города до Курска и Чернигова, создав Великое княжество Литовское. И это княжество тоже приказало долго жить в из-за внутренних распрей.

По Киевской унии 1386 года Великое княжество Литовское распалось на католическую и православную части.

Галицию заняли поляки. Закарпатскую Русь – венгры.

Говоря современным языком, сейчас представитель русско-польско-литовского этноса Богдан Хмельницкий старается спасти остатки русского государства на правобережье Днепра и предлагает русскому царю воссоединить русские земли и освободиться от польского владычества.

Но пан Хмельницкий не теряет надежды стать вольным паном, и чтобы царь Московский у него на посылках был.

Ой, пане, заблуждаешься ты насчет московского царя.

Но вот что интересно, ни в одном прочитанном мною источнике, что принес мне дьяк, я не встретил названия Украина.

Надо будет потом посмотреть, откуда появилось это слово Украина, кто его придумал и в честь чего.

Интересно, а нынешний МИД ссылается на исторические документы, когда принимает решения о взаимоотношениях с другими государствами? Сомнительно.

Глава 23

Где-то в начале сентября года 1653 дьяк Михаил Федоров перехватил меня во время утренней прогулки.

– Здравствуйте, отец Владимир, что-то узнали новое из летописных документов? – спросил он.

– Что-то, конечно, узнал, – сказал я, – но в основном освежил имевшиеся у меня знания и готов принести вам эти книги.

– Не беспокойтесь, отец Владимир, время будет и принесете как-нибудь на днях, – успокоил меня дьяк. – А почему никто не встречал вас в близлежащих церквях на службах, да и к причастию вы не подходили? Уж не униат ли вы тот, о коих сами нелестно отзываетесь?

– Я православный, вельможный пан, – сказал я, – но привык молиться у себя в комнате, не поверяя таинства своей молитвы взорам любопытствующих прихожан. Я ведь почти духовного звания и в причастии не нуждаюсь, как посвященный в таинства церковного обряда. А что, пан дьяк, просьба гетмана Хмельницкого как-то решается?

– Все будет зависеть от того, как поведет себя гетман Хмельницкий в самое ближайшее время, – сказал Федоров.

– То есть, все будет зависеть от того, в какую сторону пан гетман будет косить глаз? – уточнил я.

– Отец Владимир точно выразил мою мысль, – сказал та-

инственню дяк. – И было бы неплохо, если бы вы отправили пану гетману тайную цидулку по этому вопросу и лучше, если бы с отправкой не было задержки. Примите мои самые глубокие почтения, отец Владимир.

Дяк поклонился и пошел дальше по своим делам.

– Дело закручивается, – подумал я – и, вероятно, не один я буду отсылать гонцов на Запад. Слежка здесь поставлена отменно, поэтому гонец мой не должен привлечь внимания и не иметь при себе что-то, что можно отнять и прочитать. Задача.

Гонец прибыл в Москву намного раньше посольства и живет себе в слободе у своей родственницы. Имя у него соответствующее – Иван. Знает его только гетман и я. И никаких паролей не надо. Устное сообщение можно вывести под пытками, а вот письмо нужно написать и спрятать так, чтобы никто не нашел.

В одной из мануфактурных лавок нашел я белый шелк. Дорог материал для богатых людей, но на две ленты денег у меня хватило. Свинцовым карандашом написал: «куда глаз будет смотреть – таков и результат будет». Гетман поймет: если тверд будет в союзе с царем московским, то союз состоится.

Ленточка шелковки получилась маленькая. Нашел Ивана в слободе. Велел зашить послание в рубец на подоле рубахи и отправил к гетману с обозом купцов.

Первого октября из Посольского приказа наше посоль-

ство пригласили в Кремль. В комнатке рядом с Грановитой палатой нас и поместили. Дверь была специально приоткрыта, чтобы мы могли слышать, что происходит.

А происходил в этот день земский собор.

Думный дьяк изложил прошение гетмана Хмельницкого о готовности перейти под руку Московского государя с Запорожским войском, всеми служилыми казаками и городами, имевшимися в его подчинении. Принятие гетмана Хмельницкого может грозить войной с Европой и с Польшей, в первую очередь.

Собор оказался шумный, наряду с боярами был там люд служилый разного звания со всех концов земли русской и купцы. Редко бывает такое единодушие среди русских людей, но все высказались за то, чтобы земли русские воссоединялись и даже купцы обещали помочь своими средствами, буде война какая начнется. Патриарх и духовенство благословили царя в его благородном служении народу и земле русской.

В Переяславль царь отправил боярина Бутурлина, окольничего Алферьева и думного дьяка Лопухина. С московским посольством отправилось и гетманское посольство. Ехали долго, с частыми остановками и тридцать первого декабря прибыли в Переяславль.

Посольство встречали колокольным звоном, с коврами, с хлебом и солью, с большим количеством ликующих казаков.

Приветственную речь держал Переяславский полковник Павел Тетеря.

Гетман с полковниками и старшиной казацкой прибыл первого января 1654 года. Предварительные переговоры на-поминали польский сейм или же нашу Государственную Думу при принятии важных решений. Вопрос шел об автономии вновь принимаемых земель.

– Возможно, буде Переяславль поближе к Москве, плюнул бы Бутурлин на все эти переговоры, да и поехал бы к царю с предложением не принимать гетмана с его землями под руку Москвы, но приходилось терпеть, – все это мне по секрету сообщил дьяк Михаил Федоров, бывший в составе того посольства и знавший, что слова его до гетмана не дойдут, благо мы с ним состояли в отношениях доверительных и работали оба на интересы государства российского.

Насколько единодушен был земский собор в решении казацкого вопроса, настолько разноречивы была казацкая старшина в отношении подчинения московскому царю.

Часть была готова немедленно отдаться польскому царю, если тот удовлетворит их требование об увеличении численности реестрового казачества. И аргументы были такие, что поляки более цивилизованны, чем москали, только что освободившиеся от татарской неволи, и то, что казаки в составе Польше становятся европейцами, а не русскими, а если принять унию, то и в сейм можно депутатом избираться и даже в гетманы польские выйти.

Другие кричали, что подписание договора с Московским государством вызовет войну с Польшей и царь Московский слишком слаб, чтобы воевать с Польшей и защищать казаков.

Третьи предлагали заключить союз с крымскими татарами и создать мощную Крымскую автономию, которая будет грозить и полякам, и москалям.

Целую неделю утрясали положения договора, в конце концов, точку поставил гетман.

– Слушайте сюда, панове. Куда бы мы ни пошли, нас не будет как народа. Пойдем к полякам, станем ляхами, поклоняться будем католическому крыжу и причащаться у ксендзов. Пойдем к крымчакам, станем мусульманами и молиться будем полумесяцу, а вместо священников у нас будут муллы и муэдзины. Кроме как к московскому царю, нам идти некуда. Кто не хочет с нами, может идти на все стороны. Кто со мной, становись под мою руку.

Скрепя сердцем, недовольная старшина, боясь гетмана и своих казаков, встала под руку гетмана.

– Последнее, – сказали большинством, – записать в договор, что царь Алексей Михайлович должен дать присягу казакам в сохранении их казачьих вольностей.

Вот тут-то боярин Бутурлин и встал на дыбы, сверкая грозно очами:

– Царь российский подданным своим присягу не дает, но если он обещал сохранить казачьи вольности, то обеща-

ние свое выполнит.

Замерла казацкая старшина. Чувствуют, что перехлестнули через край. А ну как боярин встанет да уедет к царю с докладом, что принимать гетмана никак невозможно по причине того, что казаки ставят невыполнимые условия. Полетят тогда казацкие головы, много найдется охотников расправиться с ними.

Тряхнув губами, казаки сказали, что согласны с договором.

И Бутурлин вздохнул облегченно:

– Ну что, пане гетман, на завтра назначаем раду?

– Назавтра, до полудня. Господа полковники, прошу обеспечить присутствие самых авторитетных казаков, чиновников и купцов. С Богом, панове, – сказал гетман и перекрестился.

Глава 24

Восьмого января 1654 года в одиннадцать часов пополудни собралась генеральная Рада.

Речь гетмана Хмельницкого хорошо известна всем, но и я так конспективно делал пометки:

– Господа полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское!

Бог освободил нас из рук врагов нашего восточного православия, хотевших искоренить нас так, чтобы и имя русское не упоминалось в нашей земле. Но нам нельзя более жить без государя. Мы собрали сегодня явную всему народу раду, чтоб вы избрали себе из четырех государей себе государя. Первый – царь турецкий, который много раз призывал нас под свою власть; второй – хан крымский; третий – король польский; четвертый – православный Великой Руси царь восточный. Турецкий царь басурман, и сами знаете, какое утеснения терпит братия наша христианская от неверных. Крымский хан тоже басурман. Мы по нужде свели было с ним дружбу и через то приняли нестерпимые беды, пленение и нещадное пролитие христианской крови. Об утеснениях от польских панов и вспоминать не надобно; сами знаете, что они почитали жида и собаку лучше нашего брата – христианина. А православный христианский царь восточный – одного с нами греческого благочестия; мы с пра-

вославием Руси единое тело церкви, имущее главою Иисуса Христа. Этот великий царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в Малой Руси, не презрел наших шестилетних молений, склонил к нам милостивое свое царское сердце и прислал к нам ближних людей с царской милостью. Возлюбим его с усердием. Кроме царской высокой руки, мы не найдем благодетельнейшего пристанища; а буде кто с нами теперь не в совете, тот куда хочет: вольная дорога!

Из толпы собравшихся понеслись выкрики:

– Волим под царя восточного! Лучше нам умереть в благочестивой вере, нежели достаться ненавистнику Христовому, поганому.

Полковник переяславский Тетеря стал обходить ряды и спрашивать:

– Все ли такое соизволяете?

– Все, – как один отвечали казаки.

Подошел полковник и сообщил, что все казаки, собравшиеся на генеральную раду, соизволяют так, как сказал пан гетман.

Повернувшись к куполам собора, Хмельницкий перекрестился и сказал:

– Боже утверди, Боже укрепи, чтоб мы навеки было едино. Зачитали казакам и текст договора.

Все казацкие земли в пределах губерний Полтавской, Киевской, Черниговской, части губерний Волынской и Подоль-

ской присоединялись под именем Малой России к Московскому государству с правом сохранять свой особый суд, управление, выбор гетмана вольными людьми, право последнего принимать послов и сноситься с иноземными государствами (кроме крымского ханства и польского короля), неприкосновенности прав шляхетского, духовного и мещанского сословий. Дань (налоги) государю должна платиться без вмешательства московских сборщиков. Число реестровых казаков увеличивалось до шестидесяти тысяч, но дозволялось иметь и более казаков-охотников.

Такой автономии не было ни у одного княжества Московского государства.

После приведения к присяге членов генеральной Рады, московская делегация поехала приводить к присяге жителей всех городов и деревень.

Малороссийское духовенство неохотно соглашалось поступать под власть московского государя. Митрополит Сильвестр сам вышел встречать московское посольство, но внутренне не был расположен к Москве. Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось посылать к присяге шляхтичей, служивших при духовных особах, монастырских слуг и людей из имений, принадлежавших монастырям и церквам.

Духовники и ополяченные ходили и агитировали народ Малороссии, что московский царь заставит всех носить лапти вместо черевик, заставят всех перекрещиваться.

Казацкая старшина вообще вынашивала планы создания в Малороссии независимого государства.

Последующая история взаимоотношений России и Малороссии была чередой войн и предательств украинских гетманов и казацкой старшины, пытавшейся обмануть всех и вся: польского короля, царя московского, султана турецкого, хана крымского, короля шведского, приклоняясь то к одному, то к другому, чтобы создать свое независимое государство.

Никто точно не знает, откуда появилось название «Украина». Более склоняются к тому, что Польша хотела уничтожить все русское на русских землях и называла эти районы окраиной, а жителей – окраинцами.

Мне, посмотревшему, как происходило воссоединение русских земель с прополянченным населением, становится очевидно, что государи московские совершили стратегическую ошибку, приняв в состав государства по настоятельным просьбам Грузию и Украину на особых условиях, а не как граждан с равными правами. Не хотите быть равными со всеми, можете идти к... бабушке эротической походкой.

Последствия этой ошибки приходится расхлебывать в мое время.

Угнетая свой собственный народ и предоставляя широкие привилегии присоединившимся территориям, царское правительство создавало колоссальный разрыв во взаимоотношениях простых людей, которые видели, насколько велики послабления пришельцам за счет ужесточения гнета

русских, а потребители привилегий считали себя выше простых русских. Не зря русские люди называли жителей Великого Княжества Финляндского чухной, а жителей Малороссии – хохлами. Почему-то никаких оскорбительных кличек не было у жителей Белой Руси, потому что к ним относились так же, как и ко всем гражданам Российской империи.

У нас как бы считается, что существует дружба между русским и украинскими народами, но реальная жизнь показала, что этой дружбы как не было, так и нет, так и не будет, особенно если населению Украины, в том числе и этническим русским, посулят шенгенские визы. Тогда на всех братских отношениях будет поставлен жирный католический крыж. Мы это уже видели в Прибалтике.

Настроения элиты любого государства всегда носят антинародный характер. Элита действует только в своих интересах. Покупает иностранные футбольные клубы, плюя на то, что русский футбол в откровенной заднице. Покупает крупные бриллианты, ювелирные и художественные изделия, царские пасхальные яйца. Везет девок во французские Куршевель, упорно не замечая растущей нищеты и социального расслоения общества. Элита не понимает, что нищие люди, которых обзывают «средним классом», будут движущей силой в уравнивании уровня жизни населения богатейшего государства мира – России.

Глава 25

Честно говоря, до чего же страшная наука – история. Сродни врачебной профессии. Только историю вылечить нельзя. Это все равно что, курение. Будешь курить – вот тебе гипертония, болезни сердца, не будешь курить – вот тебе болезнь Альцгеймера. Или хирургия. Иногда достаточно убрать маленькую бородавочку и жить спокойно всю жизнь. А когда бородавка разрастается в злокачественную опухоль, то ее никаким скальпелем не вырежешь. Это все относится к принятию решений нашей элитой.

Хирург может качественно изменить историю, срезав все ненужное. Но тут приходит терапевт и говорит: не слушайте хирурга, ему бы только резать, а мы вам дадим таблеточку, и у вас все само собой отвалится. Как тут выбрать между хирургом и терапевтом раз в четыре года, когда каждый хирург, жалуясь на трудность профессии, просто спит и видит себя Хирургом. И терапевт тоже видит себя Хирургом.

Я ехал в повозке, укрытый тулупом, и подремывал под скрип серебряного снега. Государево посольство возвращалось в Москву. Гетман и меня отправил сопровождающим посольство и для того, чтобы узнать, как будет доложено царю о приведении Малороссии под руку государства российского.

Я уже был довольно опытным в делах воинских и поли-

тических и пользовался особым доверием гетмана, который намеревался меня послать во Францию для зондирования вопросов признания Малороссии отдельным государством Украина. Я умело дрался на саблях, достаточно ловко фехтовал шпагой и знал французский язык. Был не стар годами, недурен собой, а ряса придавала мне больше загадочности. Что еще нужно для того, чтобы получить покровительство высоких особ как дипломатический представитель и как посетитель будуаров жен и любовниц вельмож и приближенных ко двору? Тем более постоять за себя я мог.

Рядом в повозке подремывал дьяк Федоров. Только что мы говорили о том приеме, который давал гетман Хмельницкий боярину Бутурлину и его посольству.

– Что можно сказать, отец Владимир? – сказал дьяк. – Ничего говорить не буду. Будет нам возни с вашей Малороссией. Сейчас у них голова кружится от того, как они ловко провели москалей. Пусть позабавятся в самостийность. Поверь мне, следующий государь ликвидирует гетманство, и Польша не растянется «от можа до можа», а лопнет на несколько частей и долго не будет этого сильного государства, пока не ослабнет Россия, а ослабнет она не скоро.

– Что боярин-то по этому поводу думает? – спросил я.

– Докладывать будет, что духовенство враждебно нам и что гетманам малоросским верить нельзя, нужно их контролировать и крепко руку государеву держать на делах малоросских, – сказал Федоров. – Недоволен боярин. Да и вам

досталась незавидная участь — вы сторонник честного объединения и для вас это поручение будет пыткой. Ничего, я поговорю с Дьяком Посольского приказа, вас как подданного Руси могут и в Посольский приказ взять. Ладно, до Москвы еще далеко. Успеем наговориться.

Зимняя дорога хороша тем, что ровна и быстра. Нет ни жары, ни насекомых надоедливых. Дома я не был почти три года. Зато могу сказать, что был у истоков подготовки Переяславской Рады. Только кто в это поверит? Если написать фантастическую повесть, которая является вымыслом автора, то можно и правду довести до состояния вымысла. Тот человек, который обратится к историческим источникам, сам узнает, где в этой повести правда, а где вымысел. Только найдется ли у нас в России издатель, который примет к изданию повесть человека, перемещавшегося во времени и пространстве?

После этих мыслей я вдруг почувствовал такую тоску по своему времени, что непрошенная слеза в уголке глаза появилась. Все же трудно быть в прошлом. Даже женщину как следует не зажмешь и не завалишь в постель, чтобы получить настоящее человеческое удовольствие. А потом окажется, что твой товарищ по университетской скамье твой внук. Поэтому приходилось быть воздержанным при достаточно сильном внимании встречавшихся мне женщин.

Я уходил по весне. Время возвращения придет месяца через два. Нужно перемещаться на 354 года вперед. Совершен-

но машинально я крутанул колечко на один оборот вперед. Я так же ехал в возке, рядом дремал дьяк Федоров, день клонился к закату, скоро должен быть следующий ям и со мной ничего не происходило. Я пошевелил затекшими ногами, и вдруг у меня потемнело в глазах.

Очнулся я от громкого деревянного скрипа, нестерпимого запаха грязных человеческих тел и какого-то тухлого мяса. Я лежал в тесноте под какой-то лестницей на деревянном полу, который то вдруг взлетал вверх, то резко опускался. Моя сабля лежала подо мной поперек поясницы и при каждом движении причиняла мне боль чашечкой гарды.

Глава 26

Кое-как я вылез из-под лестницы и пополз по скользкому полу, чувствуя себя лягушкой, потому что меня подкидывало, и я расставлял в стороны руки и ноги, чтобы сохранить равновесие, и меня так же, как лягушку, шлепало плашмя об пол. Вдруг надо мной открылось небо, и струя холодной воды полилась вниз, смыв грязь подо мной и освежив сознание, которое начало понимать, что я нахожусь на каком-то корабле и что в море жестокий шторм.

Какой черт меня дернул крутить кольцо? Сейчас бы ехал и подремывал в уютном возке, через час приехали бы на почтовую станцию, покушали и легли спать в тепло натопленной избе. Какое блаженство, а вместо этого мне придется вылезать в этот квадратный люк и осматриваться, куда же я попал и что меня ждет.

Я с трудом приоткрыл люк, а вернее – деревянную крышку, как у колодца, и меня снова обдало волной, вырвав крышку из рук. Кто-то схватил меня и оттащил в сторону, кто-то закрыл люк, а меня стали привязывать веревкой к мачте. Привязав, люди снова разбежались в разные стороны.

Вот и снова я попал в плен. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что недалеко от меня к ящику привязан человек, который кричит, машет руками и все его слушаются, поворачивая паруса или бегом бросаясь к огромному рулевому

веслу. Людям не до меня. Но мне они спасли жизнь, потому что меня обязательно смыла бы одна из волн, которые перекатываются через этот небольшой корабль, не задерживаясь на верхней палубе. В перерывах между порывами ветра я уловил звуки голосов, которые очень похожи на китайские.

Нет, ну надо же, как меня колбасит? То я только что был в России, а сейчас на каком-то корабле с китайской командой. Вот только доберусь до дома, сразу же сниму кольцо, и не буду прикасаться к нему, даже думать о нем не буду. А как я соскучился по своей уютной маленькой квартирке, которая досталась мне от дяди. И мне нужно вернуться в то же время, в какое время я уехал из дома в Москву, потому что если я вовремя не подам документы на вступление в права наследства, то квартира может уйти в доход государства. Хотя, мама моя дома, и она может выступить от имени родственника, то есть меня при подаче документов. Но я все равно постараюсь вернуться вовремя. Пока я жив, я знаю, что я сделаю все, что мне нужно.

Мачта, к которой я был привязан, трещала, изгибалась под порывами ветра, но стояла, и чувствовалось, что она выдержит все. А вот выдержат ли меня веревки? Говорят, что китайцы делают их из каких-то травок, чуть ли не из сена. А наши веревки и канаты и чего делаются? Из пеньки. А пенька что это? Это всего лишь волокна стеблей конопли. Конопляную массу отмачивают в проточной воде года два. Потом разминают, расчесывают и получают волокна. Эти

волокна отличаются особой прочностью и стойкостью к соленой воде, поэтому и применяются в морском деле.

Канаты и веревки из пеньки до сих пор используются, так как практически не изнашиваются от контакта с морской солью. Из пеньки делают мешковину, веревки, наполнители для сальников и даже одежду. Причем конопляная ткань получается намного прочнее льняной. Сошьешь себе костюм из такой ткани и будешь носить его всю жизнь.

Это сколько же конопли сеяли наши предки? Видимо-невидимо и никто из них косяки не забивал, никто ее марихуаной не обзывал и не отправлял на экспорт за валюту иностранным наркоманам. Что, думаете, не знали о дурманящих свойствах конопли? Еще как знали, просто народ тверже был, моральные устои законом были, а заблудшие души вожжами поучали. Обычно хватало одного, максимум – двукратного вожжевого нравоучения и человек понимал все. Непонятливые долго не жили, их даже в разряд юродивых не записывали.

Я почему так подробно это описываю? Проходили мы торговлю на Руси. Главной товарной позицией была пенька. Пенька да пенька. Решил я тогда узнать, что же такое пенька. Узнал. Так еще оказывается, что торговля ведется не только пенькой, но и другими волокнистыми растениями, из которых делают материю, крепежно-обвязочные материалы и даже таможня держит на контроле торговлю этими материалами.

Истинный джут – *Corchorus capsularis* или белый джут *Corchorus olitorius*, или красный джут «Tossa». Гибискус каннабинус – пенька гамбо, сиамский джут, кенаф, джут бимлипатам или бимли, пенька амбари, папоула Сан-Франциско, дах, мешта. Гибискус сабдарифа – пенька розелле или розелла, сиамский джут, кенаф, явайский джут. Абутилон ависенна – абутилонская пенька (канатник), китайский джут, Тиен-цин, Чинг-ма, Кин – ма. Волокна брум из луба испанского ракутника (*Spartium junceum*) или из обычного брума (*Cytisus scoparius*). Урена лобата и Урена синюата – конголезский джут, мадагаскарский джут или пака, мальва бланка или кадильо (Куба), гуаксима, арамина или мальва рокса (Бразилия), цезарев табак (Флорида). Кроталария джунсеа – индийская «сунн», мадрасская, калькуттская, бомбейская или бенаресская пенька или как джалбурпурский джут. Сидра – эскобилла, мальваиско, квинслендская пенька или кубинский джут. Теспесия – поломпон (Вьетнам). Аброма аугуста – дьявольский хлопок или индийский лен. Клапертония фицифолия – пунга (Конго) или гуаксима (Бразилия). Триумфетта – пунга (Конго) или карапиho (Бразилия). Крапива.

Прочитал я и даже диву дался. Все думал, что Россия это единственный поставщик пеньки в мире. Ан нет. Просто она поближе была, поэтому и торговать с ней было выгодно, покупать пеньку за копейки и продавать за золото веревки и канаты.

Похоже, что веревка, которой я был привязан, сделана из *Абутилона ависенна*, что меня несколько успокоило. А вот что будут делать матросы и капитан, когда закончится шторм? Выбросят меня за борт или повесят на рее на пеньковой веревке? И какая будет разница, из чего сделана веревка? Нужно что-то придумывать.

Сначала нужно будет узнать, где я нахожусь и какой сейчас год. А там буду действовать по обстоятельствам. Судя по всему, это действительно китайцы. А хватит ли моего словарного запаса для общения с ними? Моим преподавателем китайского языка в институте был настоящий китаец. Он учил нас не бояться говорить на иностранном языке, в частности, на китайском.

— Пусть вы сделаете десять ошибок в одном предложении, но те люди, которые хотят вас понять, поймут вас обязательно, — говорил он, — но если люди не хотят понимать вас, то безразлично, говорите вы правильно или неправильно.

Ну что же, сиень шэн (учитель), проверим вашу теорию на практике.

Где-то на горизонте забрезжил рассвет, сквозь черные тучи начали пробиваться тоненькие лучи солнца и шторм начал стихать. А еще через какое-то время над горизонтом показался золотой круг солнца. Все заиграло яркими красками, и даже вода из черной превратилась в нежно-бирюзовую. Хитрые мордочки дельфинов, улыбаясь, сообщали нам, что шторм ушел и можно отдыхать.

Матросы отвязали своего капитана от ящика. Он стал прохаживаться по палубе, потирая руки и что-то шепча, то ли молитву, то ли ругательства по поводу того, что ему пришлось пережить.

Глава 27

Внезапно капитан остановился прямо передо мной и его узкие миндалевидные глаза неестественно расширились. Показав на меня ладонью руки, он резко произнес:

– Ши шей? (Кто это?)

– Подбежавший помощник, кланяясь и виновато разводя в стороны руки, все повторял:

– Вомень бу чжи дао. Вомень бу чжи дао. (Мы не знаем. Мы не знаем).

– Тха цхун наар лай да? (Откуда он взялся?), – снова спросил капитан.

Помощник снова бормотал, что он не знает, откуда я взялся, но видел, что я вылез из трюмового отсека.

Капитан с помощником подошли к отсеку, открыли крышку и два матроса с копьями спустились в трюм. Через какое-то время они выскочили из отсека:

– Сиень шэн, шем ма мей еу. (Господин, там ничего нет).

Капитан снова повернулся ко мне, посмотрел на меня и спросил:

– Нинь цхун наар лай да? (Вы откуда появились?)

Вероятно, обращению на «Вы» я был обязан своей черной шелковой сутане, которая в Китае являлась принадлежностью среднего класса и относилась к «мундирам» чиновников. И моя сабля тоже свидетельствовала о моем немалом

служебном положении.

– Цхун шуи ли, (Из воды) – ответил я.

Капитан на какое-то время задумался. Потом спросил:

– Нинь ши Хай Ян эр? (Вы Сын моря?)

– Нун цинь чху, Хай Ди эр, (Уточню, я Сын морского царя), – сказал я.

Капитан еще немного подумал и засмеялся. Засмеялся и я. В это время два матроса отвязывали меня от мачты.

– Во яо цин нинь дао во да чхуань ву гэнь во и ци чши цзао фань (Я приглашаю Вас в мою каюту вместе позавтракать), – сказал капитан и руками показал, в какую сторону нужно идти.

Каюта капитана была очень небольшой, но два человека в ней могли разместиться за маленьким резным столом. Нам подали рис, вареных моллюсков, глиняный кувшинчик и маленькие фарфоровые стопочки.

Капитан налил вино, сказав:

– Шао син цзю ши ши цзие шан цзуй хао да пху тхао цзю (Шаосинское вино самое лучшее виноградное вино в мире), – и предложил выпить за здоровье за наше здоровье – Вэй вомень да шень тхи цзиень кхан, гань бэй!

Мы выпили – вино было восхитительное – и сразу набросились на рис с моллюсками. И я работал палочками так, как будто всю жизнь пользовался только ими. Нужно будет поблагодарить своего учителя.

Насытившись, мы откинулись к перегородкам каюты и за-

крыли глаза от сытости и усталости бессонной ночи.

– Сиень цзай, вай гуо жэнь, во сян тхин цин чху нинь да гу ши (А сейчас, чужеземец, я хочу выслушать Вашу историю), – сказал капитан.

– Во ин гай сян и сян, инь вэй во да гуши мэй еу кхай ши е мэй еу цзи ся цю, чхуань чжан (Мне нужно подумать, так как моя история не имеет начала и продолжения, капитан), – сказал я.

– Мэй гуань си, во да ши цзиень мэй еу сиень чжи, во мэй еу лай да цзи (Ничего страшного, я не ограничен во времени и никуда не опаздываю), – ответил капитан.

Дальше я буду давать только перевод, чтобы читатель не вчитывался в звучание чужих слов, а они написаны так, как слышатся, а не так как пишут некоторые товарищи-китаеведы, но не в этом суть дела. Главное, что мы с капитаном пока понимали друг друга.

– Ну, что же, если у нас много времени, то слушай, – начал я рассказ. – Я жил в большом и светлом городе, в котором были дома по три, четыре, пять, девять и двенадцать этажей. По широким каменным улицам быстро ездили самоходные повозки с широкими и удобными креслами, в которых людях лежали, сидели, пили дорогое вино, курили дорогие сигары и слушали прекрасную музыку, которую играли невидимые глазу машины. Эту жизнь можно назвать счастьем, но человеку всегда мало того, что он имеет и он ищет себе приключения там, куда ему вообще-то не нужно заходить. С по-

мощью заклинания старого волшебника этот человек попал в то время, когда машины были тихоходными, а люди воевали друг с другом по любому поводу. После окончания войны путешественник хотел вернуться домой, но заклинание старого волшебника забросило его еще дальше в те времена, когда народы одного государства были разъединены и воевали друг с другом под смех сильных соседей. Путешественник еще раз хотел вернуться с помощью заклинания, но очутился на твоём корабле, капитан, и путешественник не знает какой сегодня день и какой сегодня год, и он даже не знает, как называется судно, которым командует такой доблестный и умный человек.

– Твои сказки (гу ши – сказки, истории, примечание автора) очень интересные и мне нужно их обдумать, – сказал капитан, – а пока я думаю, мы пойдем и посмотрим мой корабль. Свою саблю можешь взять с собой.

Это не корабль, это наш дом, он живой и имеет свой характер. Если ты не понравишься этому дому, то он вышвырнет тебя где-нибудь по пути, и никто не узнает, куда делся плохой человек. Этот дом называется джонка.

Все считают, что джонка – это маленькая лодка, но вы сами можете убедиться, что это не так. Моя джонка имеет сорок пять метров в длину и девять метров в ширину. На ней три мачты и на каждой мачте паруса не из парусины, как у европейцев, а из тонкой и перевязанной самыми прочными веревочками дранки. Мы быстрее всех поднимаем и опуска-

ем паруса и наша джонка более устойчива и маневренна как в тесном порту, так и в бою.

Мы, конечно, не соперничаем с многопушечными фрегатами, но не советуем и фрегатам связываться с нами. Большой корабль покажет свои мачты из воды, а наша джонка останется на воде. Судите сами, тридцать семь шпангоутов, обеспечивающих прочность корпуса и везде непроницаемые переборки, придающие непотопляемость джонке. Какое? Самую первую джонку построил первый великий правитель Китая Фу Хуси. Когда европейцы в задумчивости ходили по берегам рек и морей, мы уже ходили по всем морям на своих джонках. Вот так. Корабль я вам показал, а вот, что делать с вами так и не придумал. Кстати, сегодня семнадцатый день седьмого месяца одна тысяча семьсот пятьдесят четвертого года по европейскому стилю.

Глава 28

Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд. Похоже, что попал из огня да в полымя, и противник у меня коварный, без чина и звания, на халате-рясе ни одного значка и на шапочке, как у меня, ни значка, ни помпончика с шариком, а капитан судна человек служивый. А, может, ему понравились мои «гу ши» и он решит выведать какие-нибудь подробности тех или иных механических приспособлений, об устройстве которых я и понятия не имею, решит, что я что-то скрываю и будет пытаться для развязывания мне языка.

Китайцы на весь мир хвалятся своей древней цивилизацией и тем, что они изобрели порох и бумагу. Может, и капитан решил прославиться на весь мир каким-нибудь необычным изобретением, за что император Китая наградит его по-царски. Огнестрельное оружие уже существует и китайцам оно известно. С навигацией и них особых проблем не было ни на море, ни на суше. У них даже на повозках стояли фигурки из магнитного железа, которые показывали рукой в одну сторону, относительно которой они и ориентировались в бескрайней степи.

Китайцы очень подозрительны к иностранцам, которых называют не иначе, как «ян гуй цзы» (заморские черти). Иностранцы со своим изворотливым умом присвоили себе изобретение пороха, создав медные, бронзовые и чугунные

пушки, стреляющие ядрами и создав печатные машины для изготовления книг на китайской бумаге. Европейцы стремятся завоевать Китай, считая, что китайцы пригодны только для стирки белья и подметания улиц. Но Китай им докажет, что он самая мощная страна в мире и с Китаем будут общаться, предварительно сняв обувь перед входом в китайский дом.

Для этих китайцев я более опасный враг, потому что умею общаться на их языке и, значит, смогу кого-то убедить своими хитрыми речами раскрыть самые сокровенные китайские секреты, чтобы с их помощью поработить китайцев. Что делают с врагами в Китае? Все, что угодно. Что хотят, то и делают. Даже перечислять не буду, чтобы не портить настроение перед сном или аппетит перед обедом.

Команда джонки человек пятьдесят. Все стоят на своих местах, чтобы в любой момент выполнить команду капитана по осуществлению маневра судна или изменению его скорости. Кто-то еще дежурит у носовых и бортовых пушек, иначе для чего у джонки артиллерийское вооружение?

Капитан, не торопясь, подходил то к одной группке матросов, то к другой и что-то говорил, жестикулируя. О чем он с ними говорил, я не знаю, но ничего хорошего этого не предвещало. Во всяком случае, мне. Люди, с которыми говорил капитан, стали подходить к средней мачте, где я стоял, и с какой-то настороженностью смотрели на меня. Наконец, около меня собралась вся команда, а с кормы к нам медленно

шествовал капитан. Прямо пираты какие-то со своими демократическими порядками, обсуждения каждого вопроса и принятия решения круговой поруки.

Капитан встал рядом со мной, жестом призвал к тишине и начал говорить:

– Друзья! Вы знаете, в каком положении мы находимся. Мы хорошо погуляли и нас помнят во всех приморских городах. Не случайно флот адмирала Гуань Сюя бороздит просторы Южно-Китайского моря в поисках нашей джонки. И он блокировал нас. Что нас ждет? Нас ждет суд правами адмирала Гуаня – веревка на шею и на мачту. Может быть, лишь только мне будет оказана честь отсечения головы. А в чем разница? Да ни в чем. Все мы встретимся там, на другом свете, но у нас появилась возможность еще погулять по морям и отомстить детям тех, кто сейчас гоняется за нами.

– Вань суй! Вань суй! Вань суй! (Десять тысяч лет – в смысле «ура» – примечание автора), – нестройно закричала команда.

– Я обошел всю команду и поинтересовался тем, кто согласен с моим предложением. Из пятидесяти двух членов команды двадцать семь человек готовы остаться здесь и отдаться своей судьбе. Двадцать пять человек вместе со мной готовы вместе с этим человеком переместиться на сто лет вперед. И перемещаться мы будем вместе с нашим кораблем. Этот человек уже был в будущем, и он сейчас вам расскажет,

как там живут люди. Прошу вас, – повернулся он ко мне, – расскажите все то, что вы мне рассказывали за завтраком. Только говорите немного и проще, чтобы все люди поняли, о чем идет речь.

Сейчас я понял замысел капитана. Он считает, что известное мне «заклинание» перенесет нас вместе с его кораблем на сто лет вперед, где уже забудут его имя и преступления его пиратов. Но я же не знаю, получится ли это. Ведь я исчез из возка один, а дьяк Федоров так и остался там. Возможно, что они везде ищут меня, хотя бы следы какие-то, но, не найдя ничего, спишут все на чертовщину, которая иногда и случается в нашей жизни.

Предлагая мне выступить с агитационной речью, капитан подписывает себе смертный приговор. Представляете, что будет, если я исчезну, а они все останутся, причем половина команды будет плавать рядом с джонкой на самодельных поплавках, чтобы не утонуть, ожидая увидеть, как исчезнет корабль с оставшимися на борту товарищами и капитаном. Делать нечего. Если я откажусь, то и меня ждет такая же участь, как и капитана. Готовая на все ради спасения, толпа растерзает любого, кто встанет на ее пути. А, может, и мне проявить честность и сказать, что все это сказки и т. п. Я не успею даже договорить все это. Сказать, что капитан их пытается обмануть? Результат тот же.

Начинаю речь. Говорю примерно то же, что и капитану. Объясняю так, насколько мне позволяет словарный запас,

описывая, как работает та или иная машина и насколько красивы девушки, если они носят короткие платья и почти полностью открытые груди.

Команда в восторге. Количество остающихся сократилось до десяти.

Выкрики:

– Говори нам, что нужно делать!

Поощрительный взгляд капитана.

– Остающиеся, за борт! – командую я.

Десять человек прыгают в воду.

– Всем на колени и молиться о спасении! – кричу я.

Все встали на колени. На колени встал и я. Крутанул кольцо вправо на один оборот. Никакого результата. Все стоят на коленях и на палубе тишина. Я встал, и тут у меня потемнело в глазах.

Глава 29

Очнулся я в каком-то темном качающемся помещении. Слышится плеск волн, и чувствуются их удары о борт. Неужели получилось? И я вместе с командой джонки в Южно-Китайском море в 1854 году?

Я стал оглядываться. Ничего не видно, но это не джонка. Большое помещение, уставленное ящиками и мешками. Похоже, что трюм. Ни в одном трюме приятно не пахнет, но здесь пахло все-таки лучше, чем в трюме джонки. Наощупь я начал обследовать содержимое трюма. Ящики длинные, чуть ли не в мой рост. Железные уголки и два замка-защелки. Открыл. Ружейный ящик. Потрогал казенник. В принципе, почти современное оружие. Судя по штыку, это действительно половина девятнадцатого века. Ящик поменьше. Пистолеты. Точно попал в девятнадцатый век. Но куда? Чье это судно? Куда плывет. Если точно получилось с перемещением, то сейчас 1854-й год и идет Крымская кампания. И я в трюме с оружием. Нашел бочонки с характерным запахом. Дымный порох, возможно, артиллерийский. Сколько еще плыть на корабле, не известно. Нужно искать выход. Где-то должна быть лестница выхода из порохового погреба. Она должна быть именно в расположении запасов пороха. Там, где ящики с оружием, должен быть большой грузочно-разгрузочный люк. Судно парусное. Шума машин

не слышно. А, может, это просто баржа? Может, и баржа. Ага, вот и лесенка. Поднялся. Люк. У люка должен обязательно стоять часовой.

Начал стучать и кричать:

– Эй, откройте дверь!

Вдруг люк открылся. Яркий свет ослепил. Кто-то сильной рукой вытащил меня, бросил на палубу и стал пинать сапогом:

– Ты з видкиля здесь взявся, морда москальская?

Я кое-как уворачивался от ударов, потом изловчился, сунул ногу между ног обидчику, а второй ногой толкнул. Он упал. Я быстро вскочил, выхватил саблю да как закричу:

– Пся крев! Цо то ест?

– Пшепрашам бардзо, пан, – мой обидчик даже в лице переменялся, – муве трохэ по польску, сие помылил... мам до пана велико просбэ...

– Слухам, – ответил я.

– Чи зна пан езык росыйски?

– Мuve по росыйски, – ответил я.

– Извините, пан, обознался зовсим, вас не знаю и на посадке не видел, потому так и подумал, что вы лазутчик иноземный, – чуть не ползал в ногах мой обидчик.

– А ты сам-то, кто такой? – спросил я.

– Та бродник я, – ответил малоросс, – буду пути проведывать у Бахчисарая.

– Откуда же ты пути эти знаешь? – спросил.

– Татары крымские меня в туретчину продали, а там я в мамелюки поступил. Вот имею поручение провести французов в район Бахчисарая, – сказал лазутчик.

Да, вместо ненависти к работорговцам служение их хозяевам и работа проводником на интервентов лишь бы досадить москалям. Тьфу. Бандеровец какой-то.

– Что здесь случилось? – французский голос заставил меня вздрогнуть. Ставший почти родным язык сказал, что наконец-то я сяду в обществе образованных людей, посидим, обговорим последние события. Какие события? Откуда я знаю, что здесь происходило за последние сто лет? Так, схематично, я знаю, кто, за что, почему и кто и как, но не буду же я рассказывать французскому офицеру содержание русского учебника истории. Он этого не поймет и его враги русские, а я одет в невообразимую одежду то ли священника, то ли монаха какого-то воинственного ордена со своей казацкой саблей. Придется косить под бандеровца, благо у меня есть бумага за подписью Хмельницкого с печатью, что я исполняю личные поручения пана гетмана. На том и стоим.

– Все в порядке, господин капитан, непонятливым придется пинками объяснять, – веселым тоном сказал я.

– Мсье парижанин? – изумился офицер, – но почему я вас нигде не видел?

– Я вообще не должен был появляться и меня никто не должен был видеть, потому что я имею задачу выйти в русские боевые порядки как представитель народностей, кото-

рые обещают помощь русским в Севастополе, — на ходу импровизировал я.

— Но вас уже видело столько людей, — расстроился офицер.

— Не беспокойтесь, капитан, — сказал я, — когда шампанское выстрелило, то его не заливают обратно в бутылку, а разливают по бокалам.

— Хороший намек, а в моей каюте есть бутылочка отличного «штровайна» из Австрии. Подарок союзников. Но вкус приятный и пьянит неплохо. Прошу ко мне в каюту, — пригласил капитан, — по чину я капитан и исполняю обязанности помощника капитана фрегата по артиллерийским делам. Мое имя Мишель.

Каюта была небольшая, но кроме деревянной койки была еще широкая полка, которая вполне могла быть использована вместо второй кровати. Заметив мой взгляд, капитан улыбнулся и сказал:

— Я не возражаю, мсье, разделить с вами каюту, но вначале вам нужно представиться капитану.

Немного отдохнув, выкурив трубку и выпив бокал вина, который делают из самого сладкого винограда, сильно подвяленного перед отжимом, мы пошли представляться капитану.

Командир корабля капитан второго ранга Рено был высоким сорокалетним французом со шкиперской бородкой, трубкой в зубах и громким голосом.

— Войдите, — голос из-за закрытой двери был слышен

так же, как будто дверь была совершенно не закрыта.

– Мон командэр, – четко доложил мой знакомец, – на корабле обнаружен человек, имеющий поручение разведки русских боевых порядков. Отлично владеет французским языком. Имя Владимир. Прошу разрешения представить его Вам.

– Добро, – ответил Рено.

Я вошел и предъявил свой документ.

Повертев бумагу в руках, Рено спросил Мишеля, есть ли в составе команды люди, знающие русский язык.

– Только два малоросских проводника, которые направлены к нам турецким командованием, мон командэр, – доложил Мишель.

– Они говорят по-французски? – спросил Рено.

– Нет, мон командэр, – сказал артиллерист.

– Тогда попросим гостя перевести нам этот документ, понадеемся на его благородство и верность союзническому долгу, – милостиво разрешил капитан.

Я взял документ и перевел, что Гетман Малоросии удостоверяет, что писарь пан Владимир выполняет его личные поручения. Подпись, печать, дата.

Капитан Рено взял документ еще раз и удивленно ткнул пальцем в него:

– Посмотрите на дату, господа.

Я посмотрел и рассмеялся. Посмотрев, рассмеялся и Мишель, вместе с нами хохотал и капитан Рено.

– Ха-ха-ха, – заливались они, – 1654 год, сколько же вам лет, мсье Владимир, в октябре 1854 года?

Выслушав рассказ о моем задании, капитан разрешил мне поселиться у своего помощника Мишеля, посоветовал тому осмотреть артиллерийское вооружение и показать гостю корабль.

– Покажите, Мишель, лучший каперский корабль южных морей, – сказал он. – Как только выгрузим груз, мы пойдем бороздить моря, захватывая призы в виде кораблей противника.

– Пойдемте, мон шер, посмотрите гордость французского флота фрегат «Флора», – пригласил меня Мишель. – Наша задача – дальняя разведка и крейсерская служба. Мы самостоятельно ведем боевые действия на морских и океанских коммуникациях. Захватываем и уничтожаем торговые суда противника. Поэтому можно сказать, что мы настоящие каперы. Под моим командованием тридцать орудий. Экипаж корабля, мои артиллеристы и абордажная команда – это почти триста человек. Нас просто так не возьмешь. Давайте пройдемся по всей длине корабля. Можете посчитать – сорок семь метров. Ширина – больше одиннадцати метров.

Я шел за Мишелем и думал, что корабль этот чуть побольше китайской джонки. Как она там? Сражается с армадой или они перебили друг друга и стали легкой добычей адмирала Гуань Сюя? Вряд ли этот бой войдет в историю морских сражений.

Сверху из вороньего гнезда закричал матрос:
– Земля!

Глава 30

Честно скажу, что в Севастополе я был два раза, когда приезжал на экскурсию из Ялты, чтобы посмотреть океанариум и музей Севастопольской обороны. С моря я Севастополь не видел ни разу. Сейчас увидел в первый раз. Было семнадцатое октября 1854 года.

Суда нескольких эскадр собрались в линию у Севастопольской бухты. На входе были видны мачты затопленных кораблей. Если не изменяет память, то было затоплено семь больших кораблей.

«Флора» встала в цепь армады кораблей с разноцветными флагами и бросила якоря. Командир Рено уехал к командиру эскадры для доклада. Часа через три он вернулся.

– Ну что, ребята, – сказал он, построив команду на верхней палубе, – наш адмирал дал нам ноты для оркестра. Наша «Флора» будет не последней скрипкой. Вся надежда на вас, артиллеристы. Мы покажем этим русским, что такое победоносный французский флот. К бою, артиллеристы!

В полдень началась канонада. Пушки стреляли непрерывно. Историки говорят, что в тот день с моря Севастополь обстреливали одна тысяча триста орудий. Через час стрельбы была сделана остановка. Пушечные стволы заменялись не стрелявшими стволами другого борта. И снова канонада. Пушки «Флоры» оглушали. Пушки других кораблей звуча-

ли не так громко.

Вдруг на «Флоре» раздался взрыв. Взорвалось орудие? Нет, орудие повреждено, но оно не взорвалось. С берега прилетело ядро. Русская береговая артиллерия отражала бомбардировку, но из-за дыма и грохота орудий была не видна и не слышна, но тут и там вспыхивали пожары на кораблях эскадры. Говорят, что снаряд не попадает в то место, куда уже попал предыдущий снаряд. Это все говорится для успокоения себя. Попадает. Еще как попадает. Ядро большего калибра разворотило правый борт практически в месте первого попадания. Капитан Рено осмотрел разрушения и приказал загрузить левый борт, чтобы пробоина была выше уровня воды, и ее не захлестывало волной. Плотники работали с опаской – а вдруг снова прилетит русское ядро. И оно прилетело. На верхнюю палубу недалеко от того места, где стояли капитан Рено и я.

– Что-то нам сегодня не везет, – сказал капитан, – как будто на нашем корабле магнит для ядер. Артиллеристам прекратить стрельбу, плотникам быстрее заделать разрушенный борт!

«Флора» израсходовала две трети своего боезапаса и вышла из «оркестра» бомбардировки Севастополя.

– Мон капитэн, – сказал я, – возможно, что это я являюсь магнитом для русских ядер. Они чувствуют тех, в кого нужно попасть в первую очередь и летят по этому направлению. Время идет к вечеру и примерно через час будет уже темно.

Я прошу высадить меня на шлюпке на стыке между русскими боевыми порядками и войсками коалиции. Это примерно около мили, обратно шлюпка доберется по вашему «ратьеру» (фонарю, светящему вниз). А мне задерживаться нельзя. Пока русские приходят в себя после бомбардировки, я поберусь туда, куда мне надо.

– Владимир, может быть вы и правы, – сказал капитан Рено, – а, может, это знак нашей «Флоре», чтобы она была осторожнее на море. Сейчас я дам команду и два матроса на легком ялике доставят вас на берег. Море спокойное и вы быстро окажетесь в России. Прощайте, мон шер.

– Владимир, – сказал мой компаньон Мишель, – мне кажется, что мы с вами прощаемся навсегда. Берегите себя, мой друг.

Мы пожали друг другу руки, и я по веревке спустился в качающийся у борта ялик.

Я помахал им рукой, и небольшая лодка стала удаляться от корабля.

Я действительно видел их в последний раз. Примерно через месяц, четырнадцатого ноября, разыгрался немыслимый шторм, нанеший флоту коалиции очень большие разрушения. В числе затонувших судов оказалась и «Флора».

Самый большой ущерб понес флот Франции. Если бы знать, что будет шторм, то корабли можно было заранее укрыть в безопасных бухтах и уменьшить потери. Но кто же это знал? Сразу после этой трагедии Наполеон III лично обя-

зал главного астронома Франции Леверье создать службу прогноза погоды. Франция первая стала создавать систему метеостанций и составлять карту прогнозов погоды. Так что, всем выступлениям красивых женщин в нарядах от кутюр перед картами погоды в телевизионных программах мы обязаны сокрушительному шторму в районе Севастополя четырнадцатого ноября 1854 года.

Что-то я начал замечать, что опасности ходят за мной прямо по пятам. То ли они не успевают добраться до меня, то ли своим присутствием призывают к осторожности. Во всяком случае, я научился распознавать подстерегающую меня опасность и точно рассчитывать свои силы на преодоление или на решительный бросок в центр ее, когда она не ожидает от меня таких действий.

Видимый с борта корабля дальний берег вдруг начал приближаться черной громадой. Когда глубина уменьшилась, я выпрыгнул из ялика, окунувшись в воду по пояс, и отправил матросов обратно. Пока они не были моими врагами.

Интересные времена. Люди верят друг другу на слово. Нет документов с фотографией, хотя фотография уже появилась, но дагерротип к бумажке не приложишь. Как интересно меня встретят мои соотечественники? Буду представляться сибиряком, ездившим в святые места и тайком пробравшимся на борт вражеского фрегата. В принципе все сходится.

Когда закончилась канонада, команда занималась ремонтом повреждений. С наступлением темноты я отвязал де-

журный ялик и на веслах добрался до берега. Могут и поверить, но любой бдительный человек может сказать: а ну, покажь свои руки. А они вот, чистенькие. Пришлось взять песок и галечник и натирать ими ладони рук, чтобы было видно, что руки натерты веслами.

Да. Плохо, когда все приходится делать экспромтом. Один экспромт пройдет. Второй пройдет. А на третьем возьмут под белые руки и поведут куда надо.

Я сидел на пустынном берегу в крошечной темноте и думал. Я совершенно не знал, куда мне идти. Осень еще не вступила полностью в свои права, и было не совсем холодно. Конечно, можно повернуть кольцо на один оборот и очутиться в Севастополе 1954 года. Интересно послушать, как мужики на кухнях и в пивных шепотом на чем свет клянут затрахавшую их коммунистическую партию Советского Союза. Она в лице ее первого секретаря лысого горняка-кукурузовода Хрущева одним махом передала Крымскую область России в состав Украины в честь 300-й годовщины Переяславской Рады. И никто не спросил мнение передаваемых граждан.

Кто знал, что российские граждане не по своей воле окажутся в осененной бандеровским трезубом жовто-блакитной Украине, которая мечтает уничтожить все русское у себя и вступить в НАТО, чтобы сообща уничтожить все, что связано с Россией, «поставить ее на место», что не получилось ни у Наполеона, ни у Гитлера, не получится и у НАТО, уси-

ленного Украиной.

В 1954 году появиться в Севастополе в такой рясе, как у меня, значит мгновенно очутиться в руках дознавателей и давать показания о личности и местах мною посещенных, целях посещения и в интересах каких разведок. А после всего выслушанного есть возможность быть отправленным в санаторий с решетками на окнах для лечения реактивной шизофрении.

А как по-другому? Будешь врать – заметут как шпиона, который путается в показаниях. Будешь говорить правду, особенно о китайской джонке – посмеются – и в санаторий.

Хорошо, еще раз крутану колечко на три четверти – и снова в городе русской морской славы Севастополе с желто-блукитными флагами. И снова проверка документов. Чего здесь этот москаль делает? Еще хуже.

Я сидел и думал, а в это время семнадцатого октября в севастопольском госпитале умирал смертельно раненный заморским снарядом вице-адмирал Владимир Корнилов.

Нет, я остаюсь в Севастополе. Кое-какую военную подготовку на уровне командира взвода имею. Правда, с допотопным оружием обращаться не умею, но научусь. Я русский, а Севастополь – земля русская и я не могу остаться в стороне, когда моя родина в беде.

Слева от меня слышались шаги по гальке нескольких человек. Шли от Севастополя. Но кто они?

Глава 31

– Глянь, Никола, похоже, кто-то сидит не берегу, – раздался приглушенный голос.

– Вечно тебе, Егорий, что-то мерещится в темноте. Коряга это. Видишь, даже не шелохнется, – ответил голос постарше.

– Точно говорю, дядька Тарас, человек это, – зачастил молодой.

– А, ну, замолчь, – раздался голос старшего.

Шаги вдруг стали расходиться. Один стоит. Двое обходят по сторонам. Три человека, действуют правильно, обкладывают со всех сторон, чтоб не убежал. Главное, чтобы стрельбу не открыли. Нет, стрелять не будут. Где-то недалеко позиции французов, уж они-то постреляют в тех, кто вдруг оказался около них.

Я думал, что меня будут задерживать по науке, типа: «Стой, руки вверх» или еще что-то, но совершенно неожиданно получил удар по голове и отключился.

Очнулся я от громкого голоса:

– ...так что, ваше благородие, сидел он на берегу и чего-то высматривал, то ли лодку ждал, то ли на лодке недавно приехал. Мы его окружили и внезапно напали. Притащили сюда, посмотрели, а на нем одежда чудная, сабля вот казацкая, бумажка какая-то вся замоченная и буквы на ней не разобрать, и больше ничего при нем нет. Руки посмотрите, ваше благо-

родие, барские руки, – докладывал знакомый мне хрипловатый голос.

– Что руки? Если холеные руки, то значит враг? Ты, Тарас Петрович, говори да не заговаривайся. Может, на мои руки посмотреть хочешь, у меня не сильно холеные, но дам так, что век помнить будешь, – гудел добродушный начальнический голос. – А, да он уже очнулся. Вы что, дубиной его стукнули?

– Никак нет, ваше благородие, чуть-чуть прикладом приложили, а так ни-ни, – испуганно заговорил Тарас Петрович.

Офицер с эполетами поручика флотского экипажа наклонился надо мной и спросил по-французски:

– Комма вуз аппле ву? (Как вас зовут?)

– Жем аппле Владимир Иркутянин. Вообще-то, русский – мой родной язык, – ответил я.

Офицер грозно повернулся к унтер-офицеру и спросил:

– А ты, Тарас Петрович, сам его спросить не мог? Сразу прикладом по башке? Башибузуки. За службу благодарю, но впредь, чтобы все по-человечески было. Иди и вызови ко мне вестового, – сказал офицер.

Мне развязали руки и ноги, и офицер пригласил меня к столу.

– А теперь расскажите мне все по порядку: кто вы, откуда здесь появились и зачем? – спросил он.

И я начал рассказывать о том, как я из Иркутска с караваном поехал помолиться святым местам. Сначала мы попали

в Монголию, потом в Китай в Урумчи, затем через Кашгарский перевал в Афганистан. Были в Кабуле и Герате, побывали в иранском Мешхеде и Тегеране, затем оттуда по караванным тропам в Багдад и Дамаск. Потом я добрался до Стамбула и там тайком под видом грузчика проник на французский корабль «Флора», на котором и вышли на рейд Севастополя. «Флора» участвовала в артиллерийском обстреле города, но получила три прямых попадания с берега и сейчас заделывает свои пробоины, а я под покровом ночи отвязал посыльный ялик и добрался до Крымского берега.

Офицер молчал. Было видно, что он переваривает полученную от меня информацию.

– Это сколько же времени вы были в таком путешествии? – спросил он.

– Да почитай, что два года. Из Иркутска выехали весной 1852 года, – сказал я, прекрасно понимая, что телефон и телеграф пока еще не изобретены и на проверку моей информации уйдет уйма времени, а по причине военного времени проверку оставят на период после окончания боевых действий. Маршрут свой я составлял по памяти и пусть тонкий путешественник, который объездил весь Ближний Восток, Центральную и Юго-Восточную Азию простит меня, если я где-то допустил неточность в географических названиях или караванных путях.

– Ничего себе путешествие, – удивился офицер, – сколько же нужно денег для него?

– Все деньги с собой не увезешь, – сказал я, – просто ограбят по дороге или убьют, а когда деньги вот в этих руках и в голове, то человек богат для того, чтобы делать все, что ему заблагорассудится. Я не чурался никакой работы и простым погонщиком верблюдов совершил такое путешествие.

– А документы у вас есть какие-нибудь? – спросил офицер.

– К сожалению, нет, украли вместе с последними деньгами, – ответил я.

– А как же сабля? – поинтересовался офицер.

– Сабля еще дедовская, казачья, без сабли на Востоке никак нельзя, да это и признак моего дворянского происхождения, и на Востоке чувствовали это по моей сабле, – пояснил я.

– Извините, сразу не представился, поручик Ордынцев, – сказал офицер. – Не улыбайтесь, был кто-то в моей родне из ордынских, перешедших на службу к российскому царю. Теперь весь род наш честно России служит. Давайте мы с вами поужинаем, чем Бог послал, и поведу вас к начальнику линии капитану второго ранга Бельскому. Нужно доложить. Чувствую я, что слушать вас будут на самом верху. Присаживайтесь поближе на банку. У нас порядки корабельные, хотя мы сейчас на сухопутье. Щи да каша пища наша. И рюмочку для аппетита. Местная, тутовая, прошибает хорошо и от всех хворей спасает.

После ужина Ордынцев отвел меня к командиру линии.

У него за рассказами заполночь и заснули.

Утром у Белецкого уже был один из флаг-офицеров:

– Помилуйте, вы еще спите, а Пал Степаныч просит к себе вашего лазутчика.

– Прямо-таки сам адмирал Нахимов просит к себе? – вырвалось у меня.

– Да-с, прямо-таки сам адмирал Нахимов просит вас к себе, – невозмутимо ответил «флажок».

Этого я не ожидал. Пришлось всю мою «одиссею» рассказывать адмиралу сначала. В подробности особые не вдавался, потому что в приемной было полно просителей и во время осады каждое слово командующего гарнизоном было на вес золота.

– А позвольте полюбопытствовать, сударь, на каком языке вы разговаривали с китайцами? – спросил Нахимов.

– На китайском, ваше превосходительство, – ответил я.

– А ну-ка скажите что-нибудь по-китайски, – предложил адмирал.

– Сказать-то я могу, ваше превосходительство, только кто поверит в то, что это китайский язык. Я лучше по-китайски напишу, вот это будет более весомым доказательством моих слов, – сказал я.

– А вот вам бумага и перо, – сказал адмирал, – напишите, что-нибудь соответствующее сегодняшнему моменту.

Я взял бумагу и написал.

– Интересно было бы узнать, что здесь написано, – ска-

зал Нахимов, рассматривая бумагу. И сопровождавшие меня офицеры тоже с любопытством вглядывались в рукописные домики.

– Дословно здесь написано: прошу Вас разрешить мне участвовать в сражениях за Отечество. И подпись – Иркутянин, – перевел я.

– Похвальное желание, мы не только защищаем русскую землю, но и защищаем нашу православную веру, против которой объединились мусульмане и западные христиане, – сказал Павел Степанович и размашисто написал на листе: «Зачислить волонтером под командование капитана второго ранга Белецкого. Нахимов. 18 октября 1854 года» – Чем думаете заняться в боевых действиях?

– Дозвольте, ваше превосходительство, организовать команду снайперов – метких стрелков для того, чтобы на важных направлениях лишать противника управления путем поражения командующих ими офицеров, – сказал я.

Если не я, то кто-то другой все равно бы предложил заняться подготовкой снайперов. Я создам команду, а по моему почину такие команды создадут и в других подразделениях, что значительно улучшит положение осажденных войск.

– А что, дельное предложение. Вы, голубчик, – обратился адмирал к Белецкому, – возьмите под свое руководство дело создание такой команды. Если дело будет стоящее, будем распространять опыт. А я уж прослежу, как волонтер ваш обязанности свои исполняет. Не смею задерживать, дела-с.

Глава 32

Мы с Белецким пошли на четвертый бастион.

– Владимир...

– Владимир Андреевич, – подсказал я.

– Так вот, Владимир Андреевич, – сказал капитан второго ранга, – мысль ваша хорошая, потому что мы отмечаем, что среди англичан, чьи позиции против четвертого бастиона, много отменных стрелков. Нам даже пришлось плести веревочные маты (сети типа циновки), чтобы закрывать артиллерийские амбразуры, хоть и веревки, но от пуль все же спасают. Если мы создадим группу хороших стрелков, то побавим им спеси. У меня к англичанам особый счет. Понимаете, сразу после Синопского сражения, когда Черноморский флот под командованием Павла Степановича наголову разгромил турецкий флот, английские газеты писали, что русские моряки достреливали в море раненных турок. Это было в правилах английских рыцарей добивать раненных врагов. У вора всегда на голове шапка горит. Вор сам первый кричит – держите вора! Да за такое всех этих щелкоперов нужно на реях поперевешать без суда и следствия. О какой порядочности англичан может идти речь? Я и детям, и внукам своим, если живым останусь, скажу, чтобы англичанке верили только на вершок и опасались ножа в спину, если неосторожно повернешься. Так что, Владимир Андреевич, будете

защищать честь российского военно-морского флота. Возьмете себе тех, кто более подходит, и место вам для занятий вот тут, в трехстах метрах в тылу в низинке. Хотя тыл – это понятие относительное. Забыл спросить, вы в военном деле разбираетесь?

– Немного разбираюсь, господин капитан второго ранга, как бы подпоручик запаса, – сказал я.

– Вот и хорошо, – сказал командир. – Посмотрим вас в деле и будем ходатайствовать о присвоении чина подпоручика пехоты. Удачи. Ордынцев просил вас определить к нему. Я не возражаю.

Собрали мы по линии десять штуцеров. Мало таких ружей было в российской армии, зато войска коалиции почти все были вооружены штуцерами. Немного поясню. Штуцер – это ружье с нарезным стволом. Потом это ружье стали называть винтовкой. Вот и мы собрали винтовки. Так что, если впоследствии прочитаете – штуцер, то знайте, что это винтовка, и наоборот. Штуцера в русской армии вообще были редким оружием. По приказу императора Николая Первого штуцерами был вооружен только один лейб-гвардии Финский стрелковый батальон. И вообще на полк положено было иметь аж целых шестнадцать штук. Остальное все – гладкоствольное оружие, которое «иностранцы кирпичом толченым не чистют», как пытался Левша генералам нашим передать. А иностранцы уже давно на штуцера перешли.

Я осмотрел и наши штуцера. Три капсюльных и семь

с кремневыми замками. И это в то время, когда уже появился телеграф и фотография. Калибр 16,51 мм (сорок пятый калибр это 11,43 мм, а штуцер – это как ружье охотника 16 калибра), длина ствола 723 мм, и весил штуцер 4,5 килограмма. Заряжается порохом – дымным (черным) селитрово-серо-угольным. При выстреле из ружья выбрасывался прямо-таки сноп дыма, как из пушки.

Гладкоствольные ружья стреляли на 300 шагов, а наибольший эффект достигался на дальности 150 шагов. Нарезные ружья стреляли на одну тысячу двести шагов. Вот и представьте, как пришлось русской армии воевать, если у нее штуцерами была вооружена лишь 1/23 часть пехоты. Только не думайте, что шаг – это метр. По правилам, шестьдесят шесть пар-шагов равняется ста метрам. То есть, сто тридцать два шага это сто метров. Пули были свинцовые, но самой популярной была пуля Минье с «юбочками». При выстреле пороховые газы раздвигали юбочки и не вырывались впереди пули, а посылали пулю точно в цель. Иногда даже ружья, которые стреляли такими пулями, называли ружьями Минье. А всего-то человек пулю изобрел.

Старшим группы снайперов назначили крестного моего унтера Тараса Петровича. Стрелков отбирали практической стрельбой. Покрасили красной краской несколько камней и вечером забросили их подальше в сторону противника. Каждому по одному выстрелу. Кто попадает в красный камень, в команду. Мимо – мимо команды.

Тарас Петрович мужик мастеровитый. По моему чертежику из жести и осколков разбитого зеркала соорудил стробоскоп, мы с ним его проверили, рассказал, что и как происходит, что самое главное удержать мушку в прицельной планке. Потренировал и самого Тараса Петровича. Вояка старый, а иногда щелкает, недодержав мушку.

– Да, вашбродь, и мне тоже тренироваться надо, – признался унтер. – Даже у плотника навык теряется, не то что у охотника, если он каждый день своим делом не занимается.

Сделал я еще маленькие мишени. Чтобы тренировать стрелков в стрельбе на дальние расстояния. Вроде бы мишень от стрелка в пяти метрах, а такая же маленькая, как будто она метров на триста от него. Рядом с мишенями шелковые флажки поставил, чтобы стрелок видел направление ветра. На доске рисовал схемы полета пули. Показывал, насколько сильно влияние ветра при стрельбе на дальние расстояния. Как-то раз заметил, что на моих занятиях присутствуют и матросы с бастиона, и офицеры сидят в сторонке.

Друг мой Ордынцев как-то сказал мне:

– Не только солдаты и матросы, но и офицеры удивляются твоим познаниям в теории баллистики. Методику тренировок без стрельбы по уменьшенным мишеням, мы видим впервые. Думается, что это здорово, когда солдат или офицер по размеру мишени могут определять расстояние до нее, вносить различные поправки при прицеливании и наверняка поражать цель. Посмотри, Владимир Андреевич, как ун-

тера в других экипажах муштруют своих подчиненных. Тебе бы преподавателем в Морской корпус, пользы для России было бы больше.

Тарас Петрович тоже лично занимался со стрелками, отработывая «ровную мушку» и мягкий спуск. В нашем «тылу» приходилось прятаться от бомбардировок и вздрагивать от падающих рядом пуль. Как это у Твардовского? «А в тебя, так и мертвец, но не знали вы бомбежки, вот что я скажу отец». Бомбардировка мало чем отличается от бомбежки, скажу я вам.

Провели мы практическую зачетную стрельбу в одном из оврагов на Корабельной стороне. Результатом я остался доволен. Стабильность в стрельбе, высокая кучность – все это результат десятидневных тренировок. Пора было заниматься и боевой работой. Доложил моему начальнику Белецкому о результатах проверки стрелков и готовности к началу практической работы.

– Ну что, Владимир Андреевич, с Богом. Вы, кстати, Севастополь видели? – спросил он.

– Не пришлось еще, господин капитан второго ранга, – признался я.

– Ничего, как только война закончится, я сам вам покажу весь город, – сказал Белецкий. – Как бы ни было трудно, а землю свою мы отстоим. Ни один враг не сможет одержать над нами победы. Был Севастополь русским городом и останется русским городом, морской крепостью России на Чер-

ном море.

Знал бы капитан Белецкий, какие придут времена, он бы трижды в гробу перевернулся, проклиная всех тех, кто посягнул на нашу святыню еще в 1954 году. «Братья» наши уже начали процесс вытеснения Черноморского флота из Севастополя до 2017 года. Мы должны нашу землю арендовать? Такой позор вряд ли кто испытывал? До чего ж ты долготерпив русский народ? Может, тебя еще просто мало унизили?

Глава 33

Предвижу волнующие моего читателя вопросы. Вот, вы были на четвертом бастионе в Севастополе 1854 года, а не видели ли там великого русского писателя Льва Николаевича Толстого? Закономерный вопрос. Подпоручик Толстой прибыл в Севастополь во второй половине ноября и в рассказе о том времени, когда моя снайперская команда вышла на боевые позиции, его еще не было, но заранее скажу, что мне довелось с ним познакомиться.

Из всех офицеров, только один я знал, кем будет симпатичный артиллерийский подпоручик, который уже имел напечатанную первую часть повести «Детство», но разве можно быть предсказателем в любое время? Это уже мой современник пел в своей песне, что «что ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах». О чем беседуют два подпоручика при встрече? Обо всем, но не о высоких материях. Мы же люди. Зато потом можно будет сказать, да мы с ним обсуждали задумки его большого романа «Война и мир». Вранье все это. Вот чему я позавидовал у Толстого, так это тому, что он все время делал записи в блокнотик-тетрадку, а я не делал. Поэтому многое со временем забывается, а когда записано, то это записано навсегда.

Да, чтобы не забыть. Толстой был неплохим воякой,

но и среди солдат пользовался уважением за душевность, требовательность и особым отношением к матерным словам. Когда он прибыл, то пытался отучить своих солдат материться. Говорил им:

– Да как тебе не стыдно такое говорить? Ты вот возьми и вместо того, что ты сейчас сказал, скажи просто: «Эх ты, ерфиндер пуп».

У солдат от таких слов глаза на лоб лезли, но меж собой говорили, что мат весь наш – это ерунда, вот у них на батарее граф настоящий служит, так вот уж матершинник, так матершинник, так загнет, что хрен и выговоришь.

Ладно, это так сказать, лирическое отступление. Лирика настоящая началась позже. Каждому стрелку выдали по настоящей морской подзорной трубе, маленькой, чтобы можно было рассматривать окопы противника. Офицеры еще бурчали, что солдату нечего глазеть, его задача – исполнять приказы. Но я пропускал это ворчание мимо ушей.

В то время в моде был такой выпендрей, когда господа офицеры и даже адмиралы-генералы то садились чаек попить под вражеским обстрелом. То они любили прогуливаться по брустверу в сопровождении офицеров, то господа офицеры вылезали на бруствер трубку покурить. Эта бравада никогда добром не заканчивалась, ни за понюх табака гибли офицеры, прямо скажем – по глупости, а с появлением снайперов прекратилась и вовсе. Потом эта бравада с появлением револьверов превратилась в «русскую рулетку». Кстати, это

снайперы создали и морскую поговорку – «третьим не прикуривают». Двое еще успевали прикурить, а третий получал пулю снайпера.

Пытался я из подзорной трубы сделать оптический прицел, но у меня ничего не получилось. Сделал только диоптрический прицел, когда стрелок смотрит в отверстие в пластинке и совмещает мушку с центром перекрестья. Как мое нововведение прижилось, можете видеть сами – в нашей армии до сих пор нет диоптрических прицелов, хотя в других армиях и у спортсменов они применяются достаточно широко.

Если «левша» русский, то пиши пропало, а если «левша» иностранец, то нововведение, пожалуй, и введут. Самая отвратительная черта у русских чинуш – косность сверху до низу, которая всегда приводила нас к самым плачевным результатам в критические моменты нашей истории. Возможно, что Россия рванет вперед семимильными шагами, когда на ответственные посты будут назначать по заслугам, опыту и видению нового, а не сынков и своих людей. Но это такая фантастика, которая даже изощренному фантасту не приходит в голову.

Пробовал я укреплять на стволе прицельную трубку, тот же самый диоптрий, который появился позже, но на коленке это получается не точно. Тут приборы нужны. Для первого раза достаточно и диоптрического прицела.

На проверку нашей команды пришли многие офицеры

четвертого бастиона. С подзорными трубами. Одна просьба была не маячить, не демаскировать нас. Стрелки мои расположились у орудийных амбразур и цели выбирали самостоятельно, благо я с ними долго занимался по знакам различия и образцам формы противостоявшего нам противника. Англичане чувствовали себя совершенно вольготно в прекрасно оборудованных окопах с дощатыми настилами и туалетной бумагой в отхожих местах. Кое-кто в белых кружевных рубашках нежился в лучах еще теплого октябрьского солнца. Полная идиллия. Прогулка в Крым для того, чтобы поучить этих русских. Мы вас сюда приглашали? Нет.

Убедившись в том, что все стрелки на местах, я скомандовал:

– Ребята! По готовности, по выбранным целям, пли!

Каждый из стрелков успел всего лишь сделать по три выстрела, как брустверы английских окопов опустели. Англичане были просто ошарашены. Как так? Почему? Кто разрешил? Ответный огонь начался часа через полтора. Пока доложили о потерях. Об их причинах. Пока получили нагоняй. Пока вернулись к подразделениям. Пока дали нагоняй оставшимся в живых. Пока изготовились к стрельбе. Ответный огонь был нервный, залпов не было, была «дрись», когда вместо одновременного выстрела стрельба была похожа на струйку жидкости, разливаемую зигзагом впереди идущего человека.

– Ордынцев, – крикнул я, – пока они стреляют, засекай

огневые точки, потом легче будет работать за ним.

— Иркутянин, ты раньше случайно не генералом был? — спросил меня поручик.

— Не довелось, все еще впереди, — отшутился я.

Часть офицеров смотрела на нас, как на чудаков. Но когда Ордынцеву навесили орден Георгия четвертой степени, а потом представили к Владимиру с мечами, то каждый командир во время артиллерийского обстрела сидел с подробной схемой и отмечал, где основные, а где запасные позиции орудий и трубу свою давал солдату, которому поручалось следить за полем боя.

Результаты работы снайперов Белецкий докладывал Нахимову в моем присутствии. Не забыл кавторанг и упомянуть о стрелковых тренировках без траты боеприпасов по маленьким мишеням на небольшом расстоянии. А растерянность в английских траншеях была расписана в стихах и красках.

— Ай да молодец, волонтер, чувствуется военная косточка, — сказал адмирал. — Сегодня же отправлю реляцию и прошение о чине подпоручика и ордена Станислава третьей степени с мечами за инициативу и старание в деле воинском. Вручаю погоны тебе, носи и подпоручиком будешь со старшинством с сегодняшнего дня, двадцать девятого октября. Готовься к тому, что к тебе на выучку будут прибывать команды с других бастионов. А потом и офицеров учить будем. Разведчикам поставим задачу добывать штуцера. Не да-

дим врагу спокойной жизни. Будем уничтожать их на дальнем расстоянии. Они будут помнить Севастополь всю жизнь. И через двести и триста лет слово Севастополь заставит вздрагивать всю Англию и Францию.

В отношении Англии адмирал оказался куда как прав. Королева Виктория для участников Крымской войны учредила бронзовый Крест Виктории, который, по слухам, отливался из захваченных русских пушек. Количество награжденных этим крестом очень невелико. До сих пор Севастополь помнят.

Примчался я на бастион, показал погоны Ордынцеву, спросил, как происходит церемония вхождения в состав офицерского корпуса.

– Офицеры тебя своим давно признают. Сейчас наденем тебе погоны. Сними свою рясу. Есть у меня запасной сюртук и фуражка. Потом рассчитаешься. Пойдешь к Белецкому и представишься, что, мол, подпоручик Иркутянин представляется по случаю получения чина подпоручика. Потом Белецкий представит тебя офицерам, а уж потом все пойдут в кают-компанию на бастионе, чтобы отметить звездочки нового офицера. Учти, что выпить придется немало.

Я погладил золото погон. Совсем не такие, как у нас. Погоны морские. На черное сукно нашиты два позумента, а просвет он и есть просвет между двумя позументами, а не шитая черным шелком полоса, как на современных погонах.

Вот и еще одним офицером в Российской армии стало больше.

Завтра будет день, война, и чего меня носит по тем местам, где звенит булатная сталь, режут шторма и ухают пушки? Судьба, наверное, такая.

Глава 34

– Вашбродь, вставайте, ученики прибыли, – Тарас Петрович тихонько будил меня. – Ох, и много же их.

Рядом стояла кружка с «моонинг спешил». Заботливый мужик Тарас Петрович, понимает, что нужно мужику после обмывания новых погон. Хлебнул. Бррр. Говорят, что такой же коктейль подают по понедельникам в Организации Объединенных Наций. Но пробовавшие его люди говорят, что наш огуречный рассол все равно лучше.

Наскоро ополоснув лицо, я вышел из каземата. Передо мной стояло порядка пятидесяти человек матросов и солдат. Все вооружены штуцерами.

– Тарас Петрович, – распорядился я, – разбей собравшихся на пятерки и во главе пятерки поставь наших. Пусть сначала произведут осмотр штуцеров на их целостность и исправность, а затем отстрел по пристрелочной мишени. Если оружие в порядке, проверьте стрелков по красным камешкам. К вечеру доложить результаты.

– Слушаюсь, вашбродь, сделаем все в аккурате, – сказал унтер-офицер.

На такого старослужащего можно положиться. Службу знает до тонкости. Семейный. Профессионал.

Пошел с докладом Белецкому о прибытии пополнения.

– Сейчас проверим их на пригодность, господин кавто-

ранг, — сказал я, — и приступим к занятиям. Было бы неплохо, если бы командиры в своих подразделениях сами проводили стрелковые тренировки или подготовили своих унтеров для проведения занятий.

— Все правильно, Владимир Андреевич. Идет война и отрывать офицеров на учебу нецелесообразно, поэтому форма учебных команд не ослабляет подразделение, но через какое-то время усилит это подразделение подготовленными солдатами. Так и запишем в докладе командованию по результатам подготовки стрелков-снайперов.

К вечеру пришел Тарас Петрович, доложил, что десять штуцеров отправлены в ружейную мастерскую для проверки и исправления кривизны ствола, а также перепайки некоторых мушек. Стрелки в целом с красными камешками справились.

— Что-то мне кажется, — снизил голос унтер, — засекли нас англичане. Люди стреляют, но не по их окопам. А для чего? Я бы подумал, что учатся. И они так же подумали и выстрелили из пушек по тому месту, где мы проводили занятия. Может, вашбродь, усилить охрану мест занятий.

— А охрану-то для чего усиливать? Мы же в расположении своих войск, — не понял я.

— Так-то оно так, — сказал Петрович, — но сдается мне, что у англичанки есть здесь свои соглядатаи. Узнают, где мы точно проводим занятия, расписание занятий и произведут артиллерийскую стрельбу не по баксиону, по пушкам нашим,

а по месту подготовки стрелков. Подумаешь, пушку с лафета скинут, а тут сразу всех снайперов можно накрыть.

– Да разве могут севастопольцы быть соглядатаями противника, – усомнился я, – да и как они к врагу проберутся? У нас здесь почти что сплошная линия обороны.

– Вот именно, вашбродь, почти что сплошная линия обороны, – сказал унтер, – да только есть здесь такие люди, что раньше русскими рабами торговали. Да и много в Севастополе было тех, кто только по-французски да по-англичански разговаривал и нос от всего русского воротил. И не только на иностранной мове размовлял.

– Ну, ты уж и скажешь? – усомнился я.

– Приходится так говорить, когда такие же, как я, меня лапотником называют, – сказал Тарас Петрович. – Кто они такие? Да никто. Погодьте, они нам еще дулю под нос сунут за то, что мы их из-под ляхов в государство наше приняли. Не одни шведы против нас под Полтавой воевали.

– Ну, ты Тарас Петрович, вообще знаток всего исторического, – улыбнулся я.

– Да какая же это история, вашбродь. Дед мой под Полтавой воевал. Порассказал всякого, – сказал унтер-офицер.

– Ну и как они будут добираться до противника? – спросил я.

– А ночью между баксионами проходы есть, и их никто не охраняет, – сказал Тарас Петрович. – А потом ночью на ялике можно по морю выплыть прямо к аглицким пози-

циям.

– Да, Тарас Петрович, тебе бы в контрразведке служить, – похвалил я своего старшину. – То есть в охранном отделении, которое безопасностью государства занимается. Неоценимый талант у тебя к этому.

– Спасибо, вашбродь. Вот службу закончу обязательно в сыск пойду, – пообещал Петрович.

По результатам разговора с Тарасом Петровичем я доложил капитану Белецкому, что было бы целесообразно усилить охрану межстыкового пространства между бастионами хотя бы патрулями или секретами и доложил озабоченность унтера возможными сношениями некоторых жителей города с противником.

– Вашему унтеру, Владимир Андреевич, цены нет, – согласился Белецкий. – Боевые действия закончатся, будем предлагать его кандидатуру в сыск или охранное отделение. Смотришь, и в подпрапорщики отдельного корпуса жандармов выйдет. И за вашу озабоченность благодарю. Пал Степанычу доложу обязательно. Сотрудники полиции также докладывают о световых сигналах в отдаленных местах с той и с нашей сторон в ночное время. Не зря фонари светят.

При мне лазутчиков поймано не было, но я прекрасно знаю, что без разведки война не ведется. Войсковая разведка, дальняя разведка и агентурная разведка являются важными элементами обеспечения боевых действий. Первые два элемента исполняют военнослужащие воюющих сторон,

а третью задачу выполняют те, кто готовился заранее для заброски в интересующую страну или те, кто изъявил желание помочь противнику по каким-то причинам, чаще всего идеологического порядка. Это самые надежные тайные сотрудники, которые выполняют разведывательные задания, занимаются террором и ведут пропагандистскую работу.

Тринадцатого числа ноября мы закончили обучение стрелков и отправили их по подразделениям. Начальник штаба обороны лично инструктировал командиров подразделений по использованию снайперов и по их сохранению. А мне было предложено написать свои впечатления об опыте подготовки стрелков-снайперов в боевых условиях.

– Статью мы опубликуем в «Военном вестнике», – сказал начальник штаба, – воевать России еще придется, а боевой опыт самый ценный, его ни в каких академиях не получишь.

А затем в Черном море разразился необыкновенный шторм, почти такой же, который разбросал испанскую армаду, идущую на завоевание Англии.

Глава 35

Четырнадцатого ноября тучи закрыли небо, над морем пронесся шквал, поднявший волны огромной высоты. В этот день затонуло тридцать четыре военных корабля, в том числе фрегаты «Принц» и «Флора», погибли полторы тысячи человек. Шторм проходил узкой полосой, задев только Балаклавскую бухту, где собрались корабли коалиции.

На берегу разрушений почти не было. В этот день я неудачно сел и сломал свою трубку, подаренную мне сотником Куликом. Нашел я несколько прокламаций городского управления о соблюдении пожарной безопасности, бумага не толстая, табак есть, нарезал прямоугольничков бумажных, свернул себе самокрутку и сижу, покурываю, как сигарету. Кстати, в Стамбуле и в других городах видел, как турецкие матросы сворачивали такие же самокрутки. Пришел Ордынцев.

– Ты чем это дымишь? – спрашивает он.

– Да вот сделал так, как турки в Стамбуле делают, – показал ему самокрутку.

Показал ему, как крутить, он послунил и склеил. Сидим, курим.

– Ну, Иркутянин, ты на все руки горазд. А ведь самокруточку удобнее курить, чем трубку, – сделал вывод Ордынцев.

– Ты погоди, от самокрутки у тебя пальцы будут желтыми

от никотина, который в табаке содержатся. А усы все равно будут рыжими и прокуренными, хоть от трубки, хоть от самокрутки, — пошутил я.

Так мы вдвоем стали законодателями курения самокруток в Севастополе.

Оказывается, не только я видел турок с самокрутками. Англичане и французы тоже начали крутить самокрутки. Но там люди предприимчивые, подумали, посчитали и сказали, что они на этих копейках сделают огромный гешефт. Стали бумагу для самокруток резать и упаковывать ее аккуратно. И табак стали выпускать самокруточный, резаный. И пошло дело. Потом стали машинки делать, это я уже потом в музее видел. Вставляешь листочек, насыпаешь табак, крутишь ручку, сворачивается сигарета-самокрутка, можно слюной склеить, а можно и специальным безвредным клеем, кисточка рядом. Еще чуть крутанул ручку и сигарета готова. И предприимчивые люди пошли дальше. Стали самокрутки делать сами и в пачки упаковывать. И название им дали сигарета, маленькая сигара.

А тут и граф Толстой подрос. Подпоручик артиллерии. Подпоручик как подпоручик, только граф, а мы все не графы. Представляйте нашу любую воинскую часть. В часть прибыл для прохождения службы лейтенант. Прибыл? Молодец. Вот тебе взвод и давай служи родине. Кто знает, что потом из лейтенанта получится, может писатель великий, а может президент знаменитый? Это потом, а сейчас он лей-

тенант, то есть подпоручик, и служит подпоручиком. Так что я разочарую читателя тем, что не почерпнул от подпоручика Льва Толстого никаких умных философских мыслей или еще чего-то, мы все промелькнули перед его глазами и вряд ли он кого сильно помнил, кроме разве что руководителей обороны Севастополя, которых и описал потом в «Крымских рассказах». Себя я там не нашел, а вроде бы в его знакомцах числился, да и был известен лично высшему командованию.

Тут у меня Тарас Петрович оплошал, поскользнулся, упал, да левой рукой прямо на камень. Перелом. Страшное дело. Я быстро ему из дощечек шину соорудил, обмотал веревками и так в госпиталь отправил. А там уже врачевал наш светила медицинской науки Николай Иванович Пирогов. Сколь жизней он спас, точно неизвестно, но лишь за это он должен быть увековечен памятником от благодарного народа русского.

Посмотрел он моего Тараса Петровича. Перелом.

– Ничего, – говорит, – голубчик мы вас вылечим. Сестра, готовьте гипсовые бинты. А вот фиксацию вашей руки кто-то сделал очень профессионально.

Наложили бинты, намоченные в гипсовом растворе, и стала у Тараса Петровича «костяная рука». И вот с такой рукой он сразу в строй и прибежал. Берегли мы его. Рука на повязке. Много рукой не шевелить, но все равно помощником был незаменимым.

Правда, с Пироговым царь обошелся очень немилостиво, когда Николай Иванович рассказал Александру II о том, что творилось в Севастополе и отчего это происходило.

Никто правду не любит. Весь мир оценил заслуги Пирогова в области хирургии и военно-полевой хирургии, избрав его членом академий, а в России кое-какое признание он получил лишь незадолго до его смерти, будучи перед этим вообще уволенным без пенсии с государственной службы. Каждый из нас может иметь свое мнение, насколько Россия изменилась с того времени. Не по цивилизованности, а, по существу.

Что-то нового я вам про эту войну не расскажу. Бились мы с врагом, много раз нас превосходящим, как по численности, так и по технике и вооружению. Вся Европа ополчилась на нас. Даже Петропавловск-Камчатский атаковали. НАТО чертова. А ведь только сейчас звучание почувствовал НАТО и АНТАНТА. Одно и то же. Только в 1914 году в АНТАНТУ записали и Россию, лишь бы она против Германии выступила. Это у России традиционное – выбирать себе таких друзей, которые потом предают или становятся злейшими врагами. У России не должно быть друзей – должны быть национальные интересы. Это не моя мысль. Это позиция других государств и я не скажу, что она неверная.

В феврале 1855 года капитана второго ранга Белецкого командировали в Москву для представления императору по случаю включения в состав свиты флигель-адъютантом.

Я был назначен сопровождающим офицером, имеющим поручение закончить и сдать в журнал «Военный вестник» статью о подготовке стрелков-снайперов в условиях осажденной крепости.

Глава 36

Вероятно, я утомил читателей своими описаниями того, как я стараюсь добраться до своего дома. Дом есть дом, да и жизнь в наше время все равно лучше, чем в те благословенные времена, когда еще мало чего изобретено. Тогда машины не создавали пробки на дорогах, потому что еще не было машин. И тогда не было хороших дорог, кроме тех, которые римляне строили в завоеванных провинциях. По этой причине и Россия осталась без дорог, оказавшись вне сферы интересов Рима. И это стало как бы бедой России. А в сочетании с нашими дураками бездорожье стало просто национальным бедствием, продолжающимся, почитай что, до сегодняшнего дня.

Так и мы с капитаном Белецким не торопясь, с лошадиной скоростью ехали из осажденного Крыма в Москву, где находился государь по случаю высадки десантов коалиции на Аланские острова и бомбардировки Соловецкого монастыря.

Лошадиная скорость – это, конечно, быстрее, чем пешком, но при хорошем раскладе в день мы проезжали до шестидесяти верст. Были бы мы фельдкурьерами, то неслись бы и днем, и ночью, меняя лошадей на станциях по одному лишь грозному взгляду. Вообще к «фельдам» все относится с уважением, как сейчас, так и тогда. Одна только «фельд-

полицай» чего стоит.

Пока мы ехали, представился государь император Николай Павлович, государь грозный, да только от грозности его мы проигрывали войну в Крыму. Отпели почившего царя и короновали нового, Александра Николаевича, которому присвоили номер два. Траур по царю закончился очень быстро, и вокруг было ликование по поводу воцарения нового.

Встретили нас достаточно равнодушно. Знакомые Белецкого спрашивали, – ну, как там? – и, не дожидаясь ответа, начинали обсуждать, кто и в чем был одет на похоронах и на коронации. Это было более интересно, чем слушать рассказы о Севастополе, где не было достаточного количества боеприпасов, вооружения, продовольствия, перевязочных средств и прочего.

Белецкий присутствовал на представлении императору. Адьютант со списком шепотом говорил, кто стоит в числе представляющихся. Молодой царь спросил:

– Как, Белецкий, там дела?

– Сражаемся за Веру, Царя и Отечество, Ваше Императорское Величество, – бодро ответил капитан.

– Молодцы. Поздравляю тебя флигель-адъютантом, – сказал царь и проследовал дальше.

Из дворца Белецкий прибыл в эполетах капитана первого ранга с вензелями Александра II и привез мой орден Станислава третьей степени с мечами.

– Поздравляю, господин капитан первого ранга, – бодро

начал я, но Белецкий пожал мою руку и вызвал полового, чтобы накрыли стол комнате.

– Понимаете, Владимир Андреевич, – сказал он, – у меня такое впечатление, что наверху просто раздосадованы тем, что мы сражаемся в Севастополе и приносим им хлопоты по снабжению армии и призрению увечных ветеранов. Давайте поднимем наши бокалы за тех, кто сейчас на бастионах и в цепях стрелков отражает вражеский натиск, чтоб живы были!

Потом пили за орден. За здоровье. За офицерское братство. Затем Белецкий заказал извозчика и сказал, что ночевать будет у родственников и пожелал мне спокойной ночи.

– Не знаю, как завтра все будет, – сказал он, – то ли в свите буду, то ли получу назначение обратно на флот. И вы, голубчик, постарайтесь достать пехотные эполеты, а то все косятся на наши погоны. Вот и я новые эполеты получил прямо из канцелярии. Прощайте, Владимир Андреевич.

– И Вы прощайте, господин капитан первого ранга, не известно, свидимся ли еще, – сказал я.

Мы обнялись на прощание, и Белецкий уехал. У меня была бумага, что подпоручик Иркутянин Владимир Андреевич командирован из действующей армии в Москву для получения ордена. Подпись адмирала Нахимова и печать. Прощай вчерашняя Россия. Завтра я буду в сегодняшней Москве, заберу свой паспорт в почтовом отделении и снова стану российским гражданином образца 2008 года от Рождества Хри-

стова. Приеду в свой сибирский город. Лягу в теплую ванну, закурю хорошую сигарету и буду предаваться мечтам о чем-то хорошем.

Глава 37

Как мы заказываем такси, так и я договорился, чтобы мне вызвали извозчика. Ямщик поморщился, когда узнал, что мне нужно ехать в Останкино, но, когда узнал, что будет оплачена дорога и обратно, и платить я буду ассигнациями полуторную цену.

– Садитесь, барин, домчу так, что оглянуться не успеете, – сказал лихач.

Посмотрев на мой орден, он вдруг сказал:

– Зять мой в Севастополе, Петр Иванов, тридцать лет ему, не встречали там, ваше благородие?

– Может и встречал, не волнуйся, живой он, – сказал я, чтобы успокоить, и он это тоже понял, вздохнул и тронул вожжи.

Часа за два мы добрались до Останкино. Небольшая деревушка с господским домом.

Где-то у пруда я попросил остановиться, расплатился и отпустил извозчика.

Что-то я волновался. Вроде бы плевое дело – повернуть кольцо на полтора оборота – потемнеет в глазах, зато я окажусь в современной Москве, правда в военном мундире девятнадцатого века.

А, может, опять меня занесет куда-нибудь в Австралию в племя людоедов, которые только что съели капитана Кука

и очень обрадуются, когда перед ними появится еще один с белым лицом и в мундире. Тогда они разведут руки и скажут, что все-таки есть их людоедский Бог, который на десерт им прислал молоденького белого человека.

Эх, где наша не пропадала? Полтора оборота вперед. Пять шагов вперед. На третьем шаге у меня потемнело в глазах, и я очутился на Красной площади в Москве. Извините меня шановные пани, а также нервные паны, но я сейчас выражусь обыкновенным семиэтажным русским матом, который иногда выступает как транквилизатор, а иногда как стимулятор...

Все. Зачем я ехал в Останкино, деньги тратил, когда мог спокойно выйти на Красную площадь и через несколько секунд очутиться на той же Красной площади, но уже в мое время?

По площади гуляли праздные люди, иностранцы. Около мавзолея не было никакого поста. Значит, я в своем времени. Сейчас пойду на метро «Площадь Революции» (не помню, как сейчас она называется) и доеду до ВДНХ, а там до Останкино рукой подать.

Какой-то паренек спросил:

- Дяденька, а вы из какого военно-исторического клуба?
- Из Питера я, – сказал я ему.
- А-а-а.

Наши люди. Я иду к метро, а меня неведомая сила тянет к Историческому музею. Хорошо, давно я там не был. Хо-

роший музей, но мне сейчас некогда. Будет попозже время, обязательно зайду. Я шел к метро, а мои ноги отказывались слушаться меня. Стоило мне даже голову повернуть в сторону музея, как мое самочувствие улучшалось. Тогда я попробовал идти к музею. Ноги меня сами несли туда. Зашел, а на что я буду покупать билет?

– Проходите, проходите, участники военно-исторических клубов проходят бесплатно, – бабушка в кассе улыбнулась мне и показала на лесенку со стрелкой – «Начало осмотра».

В первых залах ни одного человека. При проходе зала Древнего Египта с мумиями и фараонами услышал твердый голос:

– Иди сюда!

Человек четко говорил по-русски, но кто он такой, чтобы обращаться ко мне на «ты». Я повернулся к этому человеку, который был примерно моего возраста, ну может, лет на пять постарше и сказал ему об этом.

Человек выслушал мою тираду и снова сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.